

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
КУЛЬТУРЫ И ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ

С. В. Жарникова

ИСТОРИЧЕСКИЕ
КОРНИ
КАЛЕНДАРНЫХ
ОБРЯДОВ

K 1342722

ВОЛОГДА
2003

Жарникова С. В.

Ж-34 **Исторические корни календарных обрядов.** — Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. — 84 с.

63.5

© Вологодский областной научно-методический
центр культуры и повышения квалификации. 2003
© Жарникова С. В., 2003.

Исторические корни
образа
Деда
Мороза
на
Русском
Севере

Образ Деда Мороза, как отмечают такие известные исследователи индоевропейской мифологии как В. В. Иванов и В. Н. Топоров, отражен во всех славянских традициях, в той или иной мере. «Мороз, Морозко — персонаж славянского сказочного обрядового фольклора... У восточных славян представлен сказочный образ Мороза-богатыря, кузнеца, который «сковывает воду» железными морозами... Обрядовые представления, лежащие в основе этих образов, сохранились у восточных славян в ритуале кормления Мороза накануне Рождества и в Велик день киселем», что связывается с обычаем кормления этим ритуальным блюдом дедов-покойников, пишут они во 2-ом томе энциклопедии «Мифы народов мира».

Дед Мороз, как персонаж русских народных сказок и обрядов, связан с тем периодом, когда «солнце поворачивает на лето, зима на мороз», то есть с зимним солнцестоянием. Он Владыка зимнего холода и в этом своем качестве он, прежде всего Повелитель Вод, которые именно в зимние холода предстают перед людьми во всех своих ипостасях: снега, льда, инея, пара, тумана и текущей подо льдом воды рек, озер и морей. Дед Мороз сковывает льдом водоемы, покрывает снегами леса и поля, украшает снегом и инеем ветви деревьев. Будучи Владыкой зимы, Дед Мороз несет с собой не только холод, снег и лед, но и ночь, тьму, так как световой день зимой в северных широтах предельно короток, а ночь велика (не говоря уже о трехмесячной полярной ночи). Как Владыка Ночи Дед Мороз повелевает звездами и Луной, ему подчинено зимнее небо, он украшает его сполохами Северного Сияния.

Его богатство — серебро, алмазы, жемчуг — все, что связано в традиционных представлениях с чистотой, холодом, лунным светом, слезами и магией. Не случайно, как отмечает академик Б. А. Рыбаков, на серебряных славянских украшениях, вплоть до XII — XIII веков христианской символики никогда нет.

Возможно, это связано с тем, что издавна серебро ассоциировалось с Луной, лунным светом, лунными культами, а во многих алхимических текстах его прямо называли Луной.

Связанный с серебром, лунным светом, луной и ночью, Дед Мороз непосредственно связан и с «тем светом» — миром предков. Общеизвестно, что у многих народов Европы Луна считалась «Солнцем мертвых». Дед Мороз — Владыка Вод и Владыка Ночи, звезд и луны даже именем своим свидетельствует о связи с миром умерших. Ведь недаром столь близки слова «смерть, морена, морана», «море» и мороз». Умереть — равносильно понятию «остыть», «околеть», то есть замерзнуть. Здесь стоит отметить, что у всех индоевропейских народов Европы празднование Нового года отмечено проведением карнавалов с ряжеными. Ученые предполагают, что само происхождение слова «маска», а это один из главных компонентов ряженья, связано с культом предков, так как слово «*maska*» означает «душа мертвого». Итальянский этнограф Пало Тоски считает, что карнавал, как главный праздник начала года, предполагал возвращение в наш мир на эти дни существ загробного мира, мира предков. В русской традиции, кроме ряженья, как было отмечено ранее, существовал обычай, по которому накануне Рождества старший в доме высовывался с печи в волоковое окно или выходил на порог с ложкой овсяного киселя и звал: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть!». Даже в наши дни старики и старухи в северорусской глубинке на вопрос, кто такой Дед Мороз, отвечают: «Это наши предки, родители». Овсяный же кисель — специфическое ритуальное блюдо, связанное с поминальной обрядностью.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что русский Дед Мороз это: Владыка Вод во всех их проявлениях (снег, иней, лед, пар, вода); Владыка Ночи и ее атрибутов — звездного неба, луны, полярного сияния, мрака; Владыка Серебра (символа луны, лунного света, магии, сакрального знания); Владыка мира предков и Дед, то есть прапредок.

Такой архаический образ, естественного, мог сложиться только в глубокой древности и это его имя «Дед Мороз» скорее всего, заменило собой более древнее, табуированное или преследуемое христианской церковью.

Говоря об исторических корнях образа Деда Мороза, мы не можем не обратиться к такому интересному и в целом забытому персонажу славянской мифологии, как *Троян*. Трояна, запечатленного в «Слове о полку Игореве», которого часть исследователей связывает с римским императором Марком Ульпием Траяном, другие исследователи считают древнеславянским божеством Луны, получившим свое имя от трех фаз, проходимых этим светилом. С Трояном в народной традиции связывались представления о зиме, снеге, сугробах, снежной белизне и тропях, протоптанных дикими турами. Ю. М. Золотов пишет:

«На Руси хозяином зимы, по-видимому, считался рогатый месяц.. В глубокой древности месяц, видимо, обожествлялся в виде быка или тура». Но Троян был не только богом зимы, снега, дорог. Будучи богом луны, он не принадлежал целиком к кругу светлых, благостных богов древних славян. Связанный с культом предков и плодородия, Троян был также божеством ночного мрака, темных сил и ужасов. И еще он был великим судьей, тем, кто награждает и наказывает и живых, и мертвых. Не случайно в народной традиции путь на «тот свет» — Млечный путь — зовут «тропою Трояновой».

На Севере Руси в дохристианский период аналогом Трояна было божество, носившее имя Велеса (Волоса). Б. А. Успенский отмечает, что в Великий четверг на страстной неделе совершали обрядовую «окличку» мертвых. «В этот день рано утром жгли солому и кликали мертвых» (Стоглав, 1890, с.193). Тогда же хозяйки кликали скотину по именам в печную трубу. Но в этот же день «окликали» Мороз с приглашением его на трапезу и просьбой не бить урожай. Б. А. Успенский отмечает, что **Мороз** «обнаруживает несомненную связь» с **Велесом-Волосом**. При этом культ Велеса-Волоса был характерен именно для **Русского Севера**. В древнерусских источниках (договор русских с греками 907 г.) Велес определяется как **«бог всей Руси»**, в отличие от Перуна, бывшего только богом княжеской дружины. Основа «Велес-Волос» в русском языке используется для обозначения **власти**. «Велес» — повелитель, распорядитель, указчик; «волосить» — властвовать. Именно к Велесу обращались с просьбой дать больше зерна, скота, детей, защитить от огня и злого человека. Звезды, в частности Плеяды, в древнерусском языке — «волосыни, волосожары, власожелищи». **Велес (Волос) владыка вод**. Так в «Сказании о построении града Ярославля» говорится: «невернии сии человецы моли слезно своего Волоса, да низведет дождь на землю» (из чего следует, что Волос-Велес давал дождь и распоряжался небесными водами). Кроме того, ему подчинялись **звезды**. Именно Велеса-Волоса в «Сказании о построении града Ярославля» проsvитер церкви пророка Ильи, «узре плач и въздыхание многое», называет **«богом вашим»**. В том же «Сказании» говорится о том, что Велесу-Волосу был «сотворен» храм и дан волхв, который поддерживал неугасимый **огонь**. По думу «жертвенного воскурения» волхв постигал тайны будущего и затем вещал от имени Велеса. Но если священный огонь угасал, то самого жреца приносили в жертву тому же богу. Б. А. Успенский пишет: «Это место «Сказания» наряду с названием Бояна «Велесовым внуком» в «Слове» остается косвенным доводом в пользу связи Волоса-Велеса с традицией шаманско-поэтического синкретического действия». В свете севернорусских терминов, типа «волхат, волхит, волхатка — ворожея, можно рассматривать термины — волшба, волшебный, волхв как связанные с культом Велеса-Волоса. В жертву Велесу приносили в особых случаях «теляца и телицу» и называли его «грозным бо-

гом». Велес был на Русском Севере в древности покровителем скотоводов и земледельцев. Так, еще во второй половине XIX века в Череповецком уезде Новгородской губернии существовал, описанный Е. Барсовым, обряд: «Когда выжнуты, оставляют на поле небольшой кустик колосьев и говорят одной жнее: «Ты верти бороду **Волосу**, или **Велесу**, другояко скажут». Та **три раза** ходит около куста и, захватывая серпом пряди по 30 колосьев, припевает:

«Благослови-ка меня, Господи,
 Да бороду вертеть:
 А пахарю-то сила,
 А севцу-то коровай,
 А коню-то голова,
 А **Микеле** — борода».

Б. А. Успенский отмечает: «Волос и Никола выступают здесь как эквивалентные наименования, причем замечательно, что обращаясь друг к другу, говорят о **Волосе**, но обращаясь к Господу — **о Николе**». Такая ситуация не случайна, ведь «христианские святые — в их числе св. Николай — **оказались заместителями языческих богов**... Процесс замещения языческих богов христианскими святыми весьма типичен и характеризует не только славянские страны, однако для исследования славянского язычества он особенно важен». Исследования Б. А. Успенского убедительно доказывают — на Русском Севере в процессе христианизации Святой Николай или Никола (Микола) заменил собой древнего бога Волоса-Велеса. Общеизвестно, что Никола (св. Николай) занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании. Это особое положение Николы на Руси постоянно отмечалось иностранцами, приезжавшими в нашу страну в XVI — XVIII веках. Они констатировали, что русские воздают Николе поклонение, приличествующее самому Богу. Так, в XVII веке некий инок Афанасий заявлял, что «Николу... аки Бога почитают в православии». С. Москевич писал в 1609 году, что «в случае... убедительной просьбы русские молят не ради Бога или Христа Спасителя, **но ради Николы**». Еще в конце XVIII в. встречались священники, «исповедующие **Никола как Бога**». Де Ту, оказавшийся в России в начале XVII в., удивлялся тому, что праздник Николы вешнего (9 мая) суеверные москвичи предпочитали самой Пасхе, а другой иностранец — Мартин Берг, также в начале XVII века сообщал, что «Вербное воскресенье... после **Николина дня** считается (у русских) важнейшим праздником». Феофан Прокопович отмечал, что простолудины «Святого Николая боготворят» и «память Святого Николая выше Господских праздников ставят». В духовных стихах можно было встретить такие обращения, как «Святитель Микола, силен **Бог наш**», или «От желания ты

господу помолисе, тому ту Миколы да со сълэзамы...». Именно к Николе обращались с такой формулировкой: «Дай-ко Господи-Владыко, Свет-ты милосливой». Отметим, что еще в XVI – XVII веках русские избегали давать при крещении имя Николай и связывали это с тем, что нельзя было окрестить ребенка именем Христа или Богородицей. Иностранцы, жившие в России в XVII веке, любую русскую икону называли «**Николаем**».

Еще раз отметим, что культ Николы, как и культ Волоса-Велеса, характерен именно для Русского Севера. (Для юга России более характерен был культ Св. Георгия – Егория). Как и у Велеса-Волоса, функции Николы в народном сознании были предельно многогранны.

Он – покровитель скота. В случае падежа давался обет «повеличать Миколу», которому обещали новорожденного бычка, называвшегося **Микольцем**. Его растили **три года**, причем для откармливания микольца перед заклинанием собирали зерно со всей округи. Лучший кусок мяса от этого бычка жертвовали Николе в церковь, остальное съедали всем миром, справляя т.н. микольщину. Празднование микольщины было связано с молебном и **окроплением скота святой водой**. Здесь имеет смысл вспомнить сообщение византийского автора VI в. Прокопия, который писал о славянах, что «только бога – **творца молний** чтут они владыкой над собой и приносят ему в жертву быков». Общеизвестно, что персонификацией молнии в славянском язычестве был Перун (именно так «перун» в некоторых диалектах называют молнию). Как воплощение разящей силы оружия, Перун был богом княжеской дружины. Но Творцом молнии был, судя по всему, Верховный бог Велес-Волос, **творец перунов – молний**, которого в христианском русском сознании заменил Святой Николай. Отметим, что во время праздника «Волося» или «Волосье» (конец XIX – начало XX в.в.) в четверг на масляной неделе «рабочий скот освобождался от работы и перед закатом солнца объезжают «молодого бычочка, обо жеребчика». В этой связи характерна и повесть «Чудо святого Николы, чудо еже о быке», составленная на Печоре в конце XVIII – начале XIX в.в., посвященная мотиву жертвенного быка.

Никола (и Волос-Велес) – **покровитель земледелия**. Здесь стоит вновь вспомнить ритуальное завивание жнеей в Череповецком уезде бороды Волосу-Велесу (Микуле) на хороший урожай, о котором говорилось ранее. 10 мая, когда праздновались «именины земли», в народном сознании они связывались с образом Николы (Велеса). Показательна русская поговорка: «На поле Никола – общий бог» или «На поле Никола один бог».

Никола (как и Велес-Волос) – **владыка вод и земных, и небесных**. Так Б. А. Успенский отмечает, что на Русском Севере Николу называли «апостолом Туча-Грозная» (т.е. туча, порождающая гром и **молнии**, о чем говорилось

выше). Никола орошает поля *росой*. «Дождь в Николин день считается особенно благоприятным предзнаменованием... велика милость мужику на Николин день, когда поле польет дождичком». Будучи связанным с реками, озерами, морями и водами вообще Никола является в русском религиозном сознании *«морским богом»* (отсюда храмы Николы Морского). Так в былине о Садко говорится: «Да змолился Садко да Господу Богу, как тому-то нынь Миколы нынь святителю», или в былине о Михайле Потыке: «Порукою давал мне Спасов образ Святителя Николу Чудотворца». Есть свидетельства того, что «по мнению раскольников, *на водах почитает дух*, которому поклоняются они не только над колодцами, но и в домах над чанами, наполненными водою; в те и другие бросают они *серебряные деньги*». Стоит обратить особое внимание на то, что у славян встречается поверье, что тонущего человека нельзя спасти, т.к. утонуть — счастье, символ избранничества и по воде душе легче всего попасть на тот свет. Б. А. Успенский приводит старочешское выражение *«K Velesu za more»* (к Велесу — за море), относящееся к смерти и означающее, собственно, «на тот свет». Интересно и то, что на Русском Севере при пожаре обходят горящий дом с иконой Николы в руках, говоря: «Святитель и Христов отце Никола, спаси и помилуй, загаси огонь» (эта запись была сделана в 1980 году в деревне Поньгома, Кемского района Карелии).

Никола (как и Велес-Волос) *связан с миром предков*, тем светом. Он Владыка в царстве мертвых. Так Б. А. Успенский, говоря о тризне (поминальной трапезе), отмечает связь слов «тризна, тризница» с заклинанием трехгодовалого жертвенного бычка «микольца». В качестве одного из пережитков тризны следует рассматривать сохранившийся на Русском Севере похоронный обычай, когда родственники покойного жертвовали корову какому-либо бедняку, приговаривая при этом: «Коровку покойника», или же отдавали ее в монастырь. Забегая немного вперед, отметим, что этот обычай, судя по всему, идет из глубочайшей древности, т.к. в Индии сохраняется аналогичный обряд, когда по смерти человека его родственники жертвовали *черную корову* (связанную с символикой ночного неба) жрецу-брахману, статус которого аналогичен статусу нищего или монаха.

Один их праздников, посвященных св. Николаю, соотносится на Руси с Великим четвергом. Именно к этому дню был приурочен убой скота, который, вероятно, восходил к обрядовому жертвоприношению Волосу. Для этого дня также характерно ритуальное омовение людей и скота («чистый четверг»). Обычай мыть избу в этот день может быть соотнесен с обычаем мыть избу после покойника. Соль, пепел и зола Великого четверга сохранялись, и им приписывалась целебная и плодоносная сила. Уже отмечалось ранее, что Никола является покровителем скота, но Велеса-Волоса также постоянно именуют «скотьим богом». Эти функции Велеса-Волоса (и Николы) соответствуют

общеевропейскому представлению о загробном мире как пастбище, где Бог пасет души умерших. В Великий четверг, на страстной неделе совершали обряд «окликания» или «оклички» мертвых. В этот день рано утром жгли солому и кликали мертвых (Стоглав, 1890, с. 193). Но, повторяем, в этот же день, посвященный Николе, окликали обрядово *Деда* Мороза и приглашали его на трапезу с просьбой не бить урожай. Заметим, что сам термин «*дед*» в древности относился *только к предку*, а в обыденной речи был запрещен и заменялся обращением «дядко» или «дедко».

Таким образом, Дед Мороз обнаруживает несомненную связь с Велесом-Волосом и Николой.

Велес-Волос в народных представлениях связан *с золотом, серебром, с идеей обилия, накопления прибыли*. Он может быть представлен «золотым человеком, огромного роста дедушкой». Волос-Велес одет в золотые или *красные* (изначально) одежды, но еще Данилов в 1909 г. указывал на связь в народных обычаях *красного цвета и смерти*, причем, между золотом и кровью, золотым и красным в народных представлениях ставится знак равенства. Заметим в этой связи, что св. Николая часто называют «Микола Золотой» и это, пожалуй, один из немногих христианских святых, иконные изображения которого иногда выполнялись на *красном фоне*. Никола, как и Велес-Волос выполняет важнейшую функцию плодотворящего начала и таким образом, можно сказать, что как Велес, так и Никола, связан как со смертью, так и с рождением. В связи с этим почитание Николы выражается в специальных обрядах *варки и крашения яиц*. Так, в Сибири, ходят в лес варить яйца и красить их на Николу Вешнего (9 мая). Варили яйца и на Николу Зимнего (5 декабря). Эти яйца в обряде связаны с культом мертвых и плодородием. Яйца варили в лесу или на берегах рек и озер на Троицу, Вознесение, Петров день, 8 мая — канун Вешнего Николы. Все эти дни соотнесены с культом Велеса.

Такой праздник как «Волося» или «Волосье» празднуется в четверг первой недели Великого поста. И хотя он связан в христианском календаре со св. Николаем, его название свидетельствует о более древних связях с Велесом-Волосом — Владыкой вселенной дохристианского севернорусского пантеона.

Здесь же стоит отметить и то немаловажное обстоятельство, что еще одно из имен дохристианского славянского Творца и Владыки Вселенной — *Святovit* трансформировалось в княжестве — Святослав. Но крестное имя Николай характерно было в раннем средневековье на Руси именно для князей, носивших имя *Святослав*.

Велес-Волос (как и Никола) связан в севернорусских народных представлениях *с болезнью и исцелением*. Так, в случае эпидемии именно в честь Николы добывали трением живой огонь.

Обычай справлять «микольщину», о котором говорилось ранее, был связан с обетом, который давался в случае болезни скотины или человека. Никола нередко упоминается в русских заговорах, предназначенных для лечения болезней. Б. А. Успенский подчеркивает, что при этом Никола предстает в заговорах окруженным золотом: «На окяине-море стоит золот стул, на золоте стуле сидит св. Николай, держит золот лук, натягивает шелковую тетивку, накладывает каленую стрелу станет уроки и призоры стрелять» или «Есть море золото, на золоте море золот корабль, на золоте корабле едет святой Николае, отворяет морскую глубину, поднимает железные врата, а залучает от раба Божия (имярек) усови аду в челюсти».

В отличие от других святых целителей, к Николе могут обращаться при любой болезни. Но Велес-Волос также связан с врачеванием и болезнями, некоторые из них так и называются «волосом». Здесь как Волос, так и Никола сближаются с древнегреческим Аполлоном-губителем и врачевателем, также соотношенным с золотом.

В русской народной традиции, точнее северорусской, Велес-Волос связан с *прядением, ткачеством*, так как нить выступает в народных представлениях и обрядовых действиях ближайшим аналогом волоса. Достаточно привести пример обрядовой свадебной песни, когда сваха расчесывает новобрачной волосы, а бояре поют: «Во поле лен, лен ветер веет, развеает». Само наименование Велеса-Волоса уже четко указывает, что средоточие жизненной силы человека — волосы, это дар и владение верховного божества Вселенной. (Все, что касается прядения пряжи и т.д., в С. В. Жарникова «Мир образов русской прялки», Вологда, 2000 г.).

Но в тех же отношениях с пряжей, нитью, волосом, что и древний Велес-Волос, находится св. Николай — Никола. Это прослеживается в том, что Никола соотносится в народном сознании с покровительницей прях и пряжи св. Параскевой Пятницей, заменившей в христианском пантеоне древнюю богиню судьбы Мокошь (Макошь). Пятница — день чествования и Параскевы, и Николы. Так, например, в девятую пятницу по Пасхе, т.е. в пятницу на первой неделе Петрова поста, как сообщает Едемский, богомольцы стекались в церковь, которая носила двойное название «Николы Чудотворца и Параскевы Пятницы». Девятая пятница выступает часто в значении Семика, т.е. дня поминовения «заложных» (нечистых) покойников. Именно Николу и Параскеву Пятницу, как правило, изображали в резной деревянной скульптуре. Стоит особо отметить, что в народном восприятии Параскева Пятница это «водяная и земляная матушка». При том, что в дни, связанные с почитанием Пятницы (пятница и воскресенье), запрещалось прясть, ткать и вообще что-либо сви-

вать, так как считалось, что пряжи прядут не лен, а волосы Параскевы Пятницы или Недели, именно Никола в сказочном сюжете помогает выполнить заданную Пятницей работу — спрядсть пряжу в один день.

Таким образом, подводя итог, мы можем в ряду Дед Мороз, Троян, Велес-Волос назвать еще и св. Николая. Но функции Велеса выполнял в христианском варианте не только Никола. Некоторые черты древнего Бога-Творца Велеса перешли на других христианских святых. Таковы святые Власий и Василий, а также Флор и Лавр и Козьма — Демьян.

Образ св. Власия ставили в коровниках и хлевах, для охраны скота. В день св. Власия окликали звезды для увеличения стада. Так в Тульской губернии, когда на небе появлялись звезды, овчары выходили на улицу, становились на руно и пели: «засветись, звезда ясная, по поднебесью на радость миру крещеному... Ты засветись, звезда ясная, на двор к рабу такому-то...», и просили, чтобы было столько овец, сколько звезд на небе. Интересно, что в Кадниковском уезде «Власьев день» отмечали три дня — 4, 5, 6 декабря, т.е. в так называемые «Николины святки», при том, что эти дни декабря и особенно день накануне Нового года явно были связаны с Велесом. Б. А. Успенский считает, что «заслуживает внимания то, что *Мороз* называется *«Мороз Васильевич»*, а святой Василий и св. Власий в народном сознании, как правило, сливаются в один образ. В Вельском уезде — месте, особо отмеченном в отношении культа Велеса, в первое воскресенье за Петровым днем отмечали праздник покровителей лошадей Флора и Лавра. Но сам Петров день в древности был соотнесен с культом Велеса.

Опускаясь далее вглубь времен, в поисках прообраза Деда Мороза — Трояна — Велеса, мы встречаем еще один архаический образ восточнославянской мифологии — бога Рода. Б. А. Успенский считает, что имя Род в славянском языческом пантеоне может рассматриваться наряду с названием Волос (Велес), и соотносится с «молочной» или «огненной» рекой, т.е. Млечным путем, и мировым деревом.

Академик Б. А. Рыбаков в своей книге «Язычество древних славян» пишет о нем следующее: «Самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств является Род — божество, известное только восточным славянам и не уцелевшее в этнографическом материале». Говоря о культе Рода, он отмечает, как крайне интересные попытки автора «Слова об идолах» XIV в. объяснить происхождение культа Рода и найти ему аналогии в различных мировых религиях. Так Род сопоставлен в этом тексте с Осирисом, Ваалом, Аполлоном и христианским богом — творцом Саваофом. Что же общего у всех перечисленных выше богов:

ОСИРИС — «божественная первовода», связан с культом ночи. Он судья в царстве мертвых и его живым воплощением был Апис — черный бык с белыми пятнами, символ ночного звездного неба.

БААЛ — бог плодородия и жизни, тесно связан с культом воды, влаги. Изображался в облике быка.

АПОЛЛОН — архаическое хтоническое божество, в котором сочетались различные функции, как губительные, так и благодетельные. Он был прорицателем, блюстителем гармонии космической и человеческой. Образ Аполлона соединяет воедино небо, землю и преисподнюю. Его любимым животным был бык.

САВАОФ — христианский бог — Творец Вселенной. Говоря о боге Роде, Б. А. Рыбаков отмечает, что:

Род — творец Вселенной,
 Род — бог неба и небесных вод,
 Род — владыка земных вод,
 Род — связан с кровью, красным цветом,
 Род — владыка царства мертвых,
 Род — вдувает жизнь в людей,
 Род — связан с огнем и молнией.

Культе Рода включал в себя использование в ритуале рогов, о которых В. М. Василенко писал: «не случайно рога стали священным предметом — они были рогами священного зверя». Он подчеркивал, что «серебряные лунницы своим блеском повторяли блеск молодой, нарождавшейся луны» и в то же время символизировали собой рога коровы или быка. Говоря о подвесках в виде странного рогатого зверя, В. М. Василенко спрашивал «не лунный ли бык перед нами?» До XIV в. сохранялся у восточных славян (в связи с отправлением культа Рода — Трояна) обряд целования серебряных лунниц, вызвавший гневную тираду митрополита Георгия: «Будь проклят тот, кто целует месяц». До наших дней дожил обряд приготовления первой опары для блинов — ритуальной еды, связанной с культом предков — из снега при свете месяца с приговором: «Месяц, месяц! Золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару!»

Судя по тем поучениям против язычества, в которых упоминался Род и его культ, он повелевал *водами*, был тесно связан с *ночью, луной, быком, управляет миром предков, судил, карал и награждал* живых и мертвых. О нем в 1872 году сказал К. Н. Бестужев-Рюмин: «Что касается Рода, то нечего искать в нем предка... Род не есть олицетворение рода (*gens*), а сам создатель».

Как всякое полисемантическое верховное божество, Род воплощал в себе диаметрально противоположные функции. И наряду с разрушителем Перуном,

был еще и богом миропорядка, космической гармонии, выражающейся в извечном круговороте рождений и смертей, в их постоянном равновесии, а также богом счастья, плодородия и богатства. В этой своей ипостаси он удивительно тесно смыкается со «скотским богом» Велесом-Волосом. Б. А. Рыбаков, говоря о Велесе, подчеркивает: «Велес был богом богатства, скотоводства, может быть плодovitости. Выражение идеи богатства при посредстве полисемантического слова «Скот» (равнозначно латинскому «rescopia» скот, богатство) ведет нас в совершенно определенную историческую эпоху, когда главным богатством племени был именно скот, стада крупного рогатого скота, «говьяда», т.е. в бронзовый век». И далее: «Однако, помимо указания на скотоводство и богатство, имя Велеса имеет еще один семантический оттенок — культ мертвых, предков, душ умерших».

Кроме того Род — Велес (Владыка), как и другое хтоническое божество — аналог Рода — Аполлон, был покровителем певцов, поэтов, музыкантов (что в то далекое время было одним и тем же). Не случайно великий поэт Боян назван автором «Слова о полку Игореве» Велесовым внуком. В таком своем качестве Велес-Волос явно перерастает узкие рамки летописного «скотского бога», обращаясь в «бога богатства», воплощенного не только в «говьяде», «скоте», но и богатства мудрости, знания, издавна ценившегося человечеством бесконечно высоко.

Род (как и Велес-Волос) в календарных обрядах воплощается в облике быка-тура: это вторая (начиная с новогодней ночи) половина зимних святок, посвященная зверью и скоту, и представляющая собой «велесовы дни»; это отмечавшийся болгарами второго января «воловий праздник»; это наличие в славянской святочной обрядности Тура, вождения по селам быка, название маскарадных рогатых масок «туром», прославление в святочных песнях «тура» и «турицы».

Б. А. Рыбаков, отмечая связь Велеса-Волоса с зимними святками, приводит очень важное, на наш взгляд, описание святочного маскарада, когда люди «на тех же своих законопротивных соборищах и некоего Тура-сатану... вспоминают и иным лица своя и всю красоту человеческую (по образу и подобию божию сотворенную) некими харями или страшилами, на диавольский образ пристроенными, закрывают...».

Н. Н. Велецкая пишет: «Самого пристального внимания заслуживает свидетельство о том, что в старину масляничный поезд прикреплялся к саням с быком, который, таким образом, оказывался во главе процессии. Рассматривать его как обычное жертвенное животное, предназначенное к общедеревенской ритуальной трапезе, как это происходило, например, на «братчинах» в Николин день, нет никаких оснований. Невероятно это уже по одной той при-

чине, что в масленицу — «сырную неделю» — мясо, как известно, из еды исключается». Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что бог Род поучений против язычества воплощался в облике быка и был тесно связан с ночью, ночным звездным небом и луной — «солнцем мертвых». Будучи владыкой «того света», Род — податель плодородия и жизни. Об этом свидетельствуют слова древнерусского церковного поучения: «То ти не Род, сея на воздухе мечет на землю груды (дождь, росы) и в том ражаются дети. Бог бо всему Творец, а не Род». Здесь средневековый проповедник возмущается сохранением в народе веры в то, что души умерших возвращаются на землю дождем или росой, которые бросает с неба Род. Вспомним, что в русской народной традиции заменивший Рода-Велеса св. Николай также «орошал поля росой», а «дождь в Николин день считается особенно благоприятным предзнаменованием» и «велика милость мужику на Николин день, когда поле польет дождичком». Эти представления своими корнями уходят в глубочайшую индоевропейскую древность, о чем свидетельствуют древнеарийские верования, сохранившиеся в Индии. Так индийцы считают, что «покойный идет путем предков на Луну и возвращается на Землю в виде дождевых капель, а затем рождается вновь как злаки, деревья, животные и дети».

Говоря о большом количестве реликтов древнего культа быка у славян вообще, и у восточных славян, в частности, нельзя не отметить, что в фольклорно-мифологических представлениях, обрядовой практике и изобразительных мотивах, связанных с этим культом, у восточнославянских и индоиранских народов много общего. Так Б. А. Литвинский отмечает: «В древнейших иранских мифах сохранились отзвуки представлений о водяном «быке-небес» — источнике влаги, производительное могущество которого выражается в его власти над облаками, проходящими по небесам перед дождем». Вспомним вновь, что св. Николая величали «апостол Туча-Грозная», а на Русском Севере предгрозовую тучу называли «бычком». Б. А. Рыбаков, анализируя образ бога Рода, приходит к тем же выводам, что за столетие до него сделал К. Н. Бестужев-Рюмин, считавший Рода Богом Создателем, Владыкой Вселенной. Б. А. Рыбаков пишет: «для средневековых русских людей слово «Род» было всеобъемлющим обозначением Вселенной во всех ее жизненных пространственных и временных проявлениях». Таким образом, «древнего бога Рода мы должны расценивать именно как божество Вселенной».

Дед Мороз, одетый в красную шубу, серебряные сапоги, со сверкающим ледяным посохом в руке и в рогатой шапке, наказывающий и одаривающий, сопровождаемый ряжеными в рогатых масках, приходящий к людям с увешанным сверкающими звездами деревом — не слишком ли он похож на древнего бога Рода Владыку Трехликого (Рода-Велеса-Трояна), которого в процессе христианизации на севере Восточной Европы сменил Святой Николай — Мико-

ла? Тем более, что в том же направлении происходили трансформации культа и на севере Западной Европы, где также древнего Бога — Владыку Вселенной (возможно Одина-Водана) сменил седой старик Санта Клаус — святой Николай.

Но наличие такого персонажа в обрядах Нового года практически всех европейских народов заставляет искать некий общий изначальный мифологический образ, уходящий корнями в индоевропейскую древность. В этих поисках надо учитывать то обстоятельство, что подобный образ мог сложиться только там, где холодная зима и длинная зимняя ночь во многом определяли жизнь людей, вызывали страх и заставляли поклоняться тем силам, которые останавливали движение рек, замораживали все вокруг и ставили человека на грань между жизнью и смертью. И здесь стоит вспомнить, что еще в середине XIX века О. Шпигель помещал древнейшую прародину индоевропейцев на севере Восточной Европы. В середине XX века А. Шерер пришел к выводу, что прародина индоевропейцев, т. е. предков большинства современных народов Европы, находилась на широтах 50° с.ш. — 69° с.ш. в Восточной Европе. И даже после распада индоевропейской общности на рубеже III — IV тыс. до н.э. территория Восточной Европы еще долго оставалась местообитанием различных индоевропейских племен: германцы, кельты, италийцы занимали север и северо-запад; балто-славяне — северо-восток, а протогреки — юго-восток. Надо отметить, что священные тексты Древней Индии «Веды», а также древнеиранская «Авеста», помещают древнейшую прародину индоиранцев или арьев в Приполярье, на севере Восточной Европы, т. е. тех землях, которые сегодня называют Русским Севером.

Именно здесь, судя по гимнам Ригvedы и Авесты, создавались общеиндоевропейские мифы, рождались обряды и ритуалы, боги и богини «старшего поколения». Среди них особо выделяется бог **Варуна**. Как и более поздний древнегреческий **Уран** (отец Хроноса — Времени и **дед** Дьяуса — Зевса бога сияющего древнего неба), Варуна — олицетворение **ночного неба** (от санскритского **вар** — покрывать, черный цвет), бог небесных и земных вод, миропорядка. В гимнах он прославляется как «вседержитель», верховный бог и основа мироздания. В гимнах Ригvedы вода — первоначальная основа, из которой постепенно развилось все. Первичные воды носили в своем лоне яйцо, из которого появился Творец мира. В эпосе Махабхарата сказано, что в первоначальном состоянии мир был окутан со всех сторон мраком. Существовало убеждение, что все произошло из ночи, что она была первым порождением хаоса. По Ригvedе «вода порождена ночью, хаосом или воздухом», «от ночи были рождены морские воды, волнистые, из морских вод вышел год, повелитель дней и ночей...» В мифах вообще сотворение земли часто начинается с грозы, наводнения или потопы. Кстати, маори на Новой Зеландии почитали «Праматерь ночь», из которой родились небо и земля. На островах Таяити полагали, что пер-

воначально была глубокая ночь, из которой возникли боги, создавшие свет. Поэтому высшие боги назывались «рожденные ночью». У Гомера ночь выступает в образе великой богини, на которую сам Зевс взирает с трепетом. Итак, Варуна — олицетворение ночного звездного неба, древнейший единый бог индоевропейцев, владыка всех вод — и земных, и небесных, и космических. В «Гимне силе богов» Ригведы говорится:

«И эта земля — царя Варуны,
И это высокое небо, чьи пределы далеки,
И эти два океана — две стороны его чрева,
И в малой воде этой сокрыт Варуна,
И кто проскользнет за пределы неба,
Не освободиться от царя Варуны.
Соглядатаи неба близятся неуклонно.
Тысячеглазые, смотрят они через землю».

В этом гимне Варуна выступает как воплощение безграничной силы богов. Его соглядатаи — звезды, которые с неба высматривают для Варуны дела людей на земле. В «Гимне Варуне» говорится:

«Того могуществом умудрены поколения,
Кто оба мира порознь укрепил, сколь ни огромны они,
Протолкнул небосвод он вверх высоко,
Двуединым взмахом светило толкнул и раскинул землю».

О нем говорится в древнем гимне: «Варуна царь торит дороги Солнца и рек навстречу морю многоводных». В тексте «Брахман» («Сказание о Шунахшепе») перечисляются многочисленные функции Варуны:

«Твоего царства, и мощи, и рвеня, Варуна,
Не достичь ни одной птице в ее полете,
Ни этим вечно текущим водам,
Ни горам, чья сила смиряет ветер.
Светлый помыслами, Царь Варуна держит
Крону дерева в бездонном пространстве;
Корни — вверх, а ветви его вниз смотрят,
Да проникнут лучи их в сердце наше.
Сотворил Царь Варуна путь широкий,
По которому Сурья (Солнце) движется в небе.
И ему безногому дал он ноги,
Варуна, отвращающий зло от сердца».

В этом же сказании говорится:
«Золотой плащ накинут на Варуну
Дорогое платье — его одеяние,
Вокруг восседают его соглядатаи».

Вспомним, что Велес-Волос в северорусской традиции может быть представлен «золотым человеком, огромного роста дедушкой».

Еще раз подчеркнем, что в древнем арийском гимне «Варуна царь торит дороги Солнца и рек навстречу морю многоводных». Именно Варуна сотворил «путь широкий, по которому солнце движется в небе. И ему безноготу дал он ноги, Варуна, отвращающий зло от сердца». Заметим, что именно с 22 декабря, с зимнего солнцестояния, начинает на севере прибывать день, так что именно с этого времени действительно «торятся дороги Солнца». **Варуна — охранитель истины и справедливости, самодержец, царь над миром, владыка мира предков, податель плодородия, Праджанати — отец пряжи, т.е. хозяин судеб, покровитель поэтов и жрецов** (что одно и то же), **Владыка луны** — места обитания предков. Он бог магических заговоров, обладает чудесной колдовской силой и воплощается в облике быка или рогатого месяца. Ведический бог Варуна, которого многие исследователи считают древнейшим единым богом индоевропейцев — это **ночь, ночное звездное небо, луна, вода, разрушительные и созидательные стихи и бык**. Именно Варуна держит в руках космическое древо Вселенной, корни которого направлены вверх, а ветки вниз. На ветвях этого дерева висят звезды, обращаясь к которым древний левец просил: «Да проникнут лучи их в сердце наше!» Аналогии с новогодней елкой поразительные. Стоит вспомнить, что чудесное дерево «карколист», которое находится в сакральном пространстве «того света» — «острова Буяна» и тоже растет «вверх корнями, вниз ветвями», в русских народных заговорах тесно связано со св. Николаем (Миколой) или Велесом.

Варуна (как Никола и Велес) **насылает болезни и приносит избавление от них**. Обращаясь к Варуне, его называют «лучшим лекарем», которому принадлежат все целебные средства. Так в «Атхарваведе» говорится:

«Ты лучшее из целебных средств,
Прекраснейшее из растений,
Словно Сома (*Луна — С.Ж.*) — господин в часы ночи,
Словно **Варуна** среди богов».

Надо отметить, что Сома — не только Луна, но и ритуальный хмельной напиток — смесь **пива, меда и молока**. И именно Варуна в паре с Митрой — богом дневного неба и социальной организации людей — «договора» связаны

1342722

в гимнах Ригведы изначально с этим священным напитком древних арьев. Обращаясь к ним, говорили:

«Да будет этот сома самым благодатным,
Для Митры, для Варуны, (он) участник попок
Бог, (их) участник среди богов.
Да наслаждаются им все
Боги сегодня единодушно!»
В другом гимне, посвященном Митре-Варуне, говорится:
«Мы его выжали — приходите — камнями.
Смешаны с молоком пьянящие эти,
Соки сомы пьянящие эти.
О два царя, касающиеся неба,
К нам, сюда, приходите!»

Возвращаясь вновь к славянскому Николе, заменившему древнего Велеса-Волоса, аналога Варуны, отметим, что на Русском Севере существовал обычай чествовать Николу на братчинах пивом. Именно Николу называли на Руси «пивным богом». Свидетели отмечали, что пьянство в Николин день имело повсеместный и ритуальный характер. «Они (русские) считают неприличным и непристойным не упиться в этот день вином или водкою». Отсюда глагол «николить» в значении «пить, гулять, пьянствовать», наниколиться — «напиться пьяным, празднуя Николин день». Б. А. Успенский отмечает, что «участие в братчинах имело вообще ярко выраженный религиозный характер: знаменательно, что в допетровской Руси отлучение от церкви лишало как права входа в церковь, так и равно и права присутствовать на братчинах и пирах».

Варуна покровитель поэзии и поэтов, обязательных участников ритуальных «попок». Его в гимнах называют «поэтом небес». Под предводительством Варуны поэт «хотел бы объехать трудности, как ямы», он восхваляет бога в гимнах и просит его: «Да не порвется нить у меня, ткущего произведение!»

Имеет смысл вспомнить, что легендарного певца Бояна (Вещего) в «Слове о полку Игореве» называют «Велесовым внуком», а еще один аналог Варуны — скандинавский бог Один (Водан) был покровителем поэтов и сам себя пригвоздил копьём к *космическому дереву*, на котором висел девять дней, после чего испил священного *меда поэзии* и постиг руны — средоточие высшего знания. Отметим, что Велес (Никола) в русской традиции также, как скандинавский Один (Водан), связан с медом. Пчел на Руси называли «Николиной милостью», подразумевая под Николой Верховного Бога Неба, а так называемый «Медовый Спас» целиком и полностью связан с культом Николы (Волоса-Велеса).

В гимнах Ригведы с медом также связаны образы Неба и Бога Творца. Так в гимне «Ко Всем Богам» говорится:

«Мед (навевают) ветры благочестивому,
Мед струят реки,
Медовыми для нас да будут растения!
Медом пусть будет Небо – наш отец!»

Говоря о древнем боге ночи и вод Варуне, следует особо подчеркнуть, что он в паре с божеством дня и огня Митрой «несут **три** земли и **три** неба. Внутри у них – **три** обета при жертвоприношении... Они поддерживают **три** светлых небесных пространства».

Абурейхан Бируни в X веке, говоря о верованиях индийцев, отмечал, что в их представлении «абстрактная материя находится посередине между материей и более высоким (миром) духовных и божественных идей: **три первичные силы** содержатся в абстрактной материи в потенции. Таким образом, абстрактная материя вместе со всем, что она в себе заключает, является как бы мостом, (идушим) с верха к низу.

Первая сила (Брахма, Праджapati) – природа в полном расцвете ее деятельности; созидание. Все, что возникает под действием второй силы называется Нараяна – природа в момент, когда ее деятельность достигает предела; сохранение. Все, что возникает, благодаря третьей силе, называется Махадева и Шанкара, но наиболее известное его наименование Рудра: разрушение. «Однако всему этому предшествовал только **один** источник и поэтому индийцы объединяют в нем **три** разряда существ, не различая один из них от другого. Этот (единый) источник они называют Вишну... Здесь они следуют тем же путем, что и христиане, поскольку последние отличают друг от друга имена (трех) лиц: Отца, Сына и Святого Духа, и (в то же время) сущность их представляют единой». Здесь стоит заметить, что **Созидание** в русском народном сознании связано с **весной** (молодостью), **сохранение с летом** (зрелостью), а **разрушение с зимой** (старостью) смертью. Таким образом, в древности строилась модель года, состоящего из **трех** сезонов по четыре месяца в каждом: ноябрь-февраль – зима; март-июнь – весна; июль-октябрь – лето. Но Б. Я. Волчок говорит о наличии специфически индийской модели года, состоящей из трех четырехмесячий (чатур-масья). Такой трехсезонный год не встречается в сопредельных с Индией странах. В Ригведе олицетворением трех сезонов считаются три Рибху – боги покровители четырехмесячий. В «Шатапатхабрахмане», например, сообщается: жертвоприношения должны повторяться регулярно, каждые четыре месяца (чатурмасья) честь Индры (бога грозы), Савитри (божество света – женская ипостась живительной силы солнца, **спа-**

сительница), Варуны (бога вод). Три ступицы «колеса времени», вероятно, символизировали три четырехмесячных сезона. Та же структура года отражена в мифологии: солнце и некоторые высшие боги характеризуются как «трехголовые» или «трехликие» существа. Варуна в этой системе выступает в качестве покровителя четырехмесячного сезона дождей. Но это в индийский период жизни арьев. А во время их пребывания на восточноевропейской приполярной прародине Варуна замыкал собою год. Он покровитель четырехмесячного сезона небесных вод (дождей и снегопадов), т.е. Дед Мороз. Варуна — Ночь, Зима, ночное звездное Небо, т.е. начало всех начал. С него начинаются и в нем покоятся все *три* ипостаси года и Времени вообще. Из этого же надо исходить, вероятно, объясняя имя славянского бога зимы Трояна (аналог Варуны, Рода, Велеса), а не только в связи с тремя фазами луны. Такой вывод подтверждается апокрифом (XII или XIII в.в.) «Хождение Богородицы по мукам», где говорится: «От камня ту устроя Трояна, Харса, Велеса, Перуна», что может быть понятно, как «из того камня создали Трояна — Золотого Владыку Молний», что вполне соответствует образу общеиндоевропейского Владыки Вселенной Варуны. Средневековые авторы, говоря о поморских славянах, отмечали, что «важнейшим в Поморском крае богом был Триглав, истуканы которого находились в Штетине, Вольни и других местах... Это был идол с тремя головами на одном туловище. Золотая повязка закрывала очи и уста его. Он стоял на высшем из трех холмов, на которых построен город (Штетин — С. Ж.), в главном из четырех священных зданий. Подобно Святовиту Арконскому, Триглав был воин-наездник, одним из атрибутов его святилища был огромный *вороний конь*, который, как конь Святовита, считался столь священным, что никто не осмеливался сесть на него». Таким образом, еще раз подтверждается, что именно Варуна — Бог Зимы и прообраз Рода — Трояна — Велеса — Деда Мороза, которых полностью или частично заменил в христианский период св. Николай. Заметим, что именно Никола в северорусской традиции сочетает в себе все три лица Троицы. Так Б. А. Успенский отмечает, что в старинном заговоре «Господь, Богородица и Никола согласуются с глаголом в *единственном числе!*» И более того, даже в 1975 году экспедицией под руководством Н.И. Толстого в Полесье на вопрос «Кто такой Микола?» (относящийся к духовному стиху) был получен ответ: «Микола сам Господь был». В рукописях XVI — XVII в.в. иностранцы прямо называют Николу «Русским Богом». При чем под богом понимается не Иисус Христос, а именно Творец Всевышний.

Подавляющее большинство исследователей считает, что такие первопары божеств, как Варуна — Митра в древнеарийской традиции, или Ахура Мазда — Митра в древнеиранской, воплощали собой представления древних индоевропейцев о взаимоотношениях законов космоса и социальных законов человеческих коллективов. Действительно, если Варуна и Ахура Мазда (что значит

буквально «Господь Премудрый») воплощали ночное звездное небо, воды, Луну и космический закон, то Митра и в древнеиндийской и в древнеиранской традиции — бог дружбы, солнца, огня, договора, социальной организации общества. Но главенство Варуны и Ахура Мазды неоднократно подчеркивается древними текстами. Так в Авесте, священной книге древних иранцев, Митра, обращаясь к Ахура Мазде, называет его *«небесным, святейшим, Творцом Мира Чистым»*. Варуну (и Ахура Мазду) славят именно как Верховного Бога Вселенной. В то же самое время Ахура Мазда говорит о Митре: «Я сотворил его — столь же достойным почитания и поклонения, как я сам». Здесь о Митре говорится как о Солнце — Творении Ахура Мазды. Вспомним, что в Ригведе Варуна «торит дороги Солнца», что он «двуединым взмахом светило толкнул и раскинул землю», «сотворил путь широкий, по которому солнце движется в небе, и ему безногому (т. е. солнцу — С. Ж.) дал он ноги». Стоит обратить особое внимание, в связи с вышесказанным, на отмеченный А. С. Фаминцыным в его «Божествах древних славян» факт, что «по представлению русских поселян солнце есть огонь, поддерживаемый *Дедом, под именем которого, следовательно, в данном случае следует понимать верховного небесного бога*». Эти древнейшие изначальные мифологические представления древних индоевропейцев складывались именно на их приполярной восточноевропейской прародине, где длинная зимняя ночь, долгие холода и обилие снега давали все предпосылки к тому, чтобы изначальное божество воспринималось именно как Владыка ночи, снега, холода, полярного сияния — Варуна или *Дед* (Мороз).

В связи с образом Деда Мороза и его историческими корнями для нас представляет исключительный интерес также и древнеиранский двойник Варуны — Ахура Мазда, чей образ, судя по текстам Авесты, сложился в древности в восточноевропейском Приполярье. Как и Варуна, Ахура Мазда (Господь премудрый) упорядочивает космос, борется против зла, хаоса, творит мир усилием мысли, он покровитель певцов и поэтов (жрецов) и Владыка Вод. Древние авестийские иранцы соединяли образ Бога — Творца (Ахуры Мазды) со священными водами реки Ардвиги или Ардвисуры Анахиты (что буквально значит «вода двойная могучая непорочная»). В древнеиранской мифологии Ардвисура — богиня воды и плодородия — стекает рекой с вершины *первозданного кряжа в божественном царстве света*. Этот первозданный кряж, с которого стекала священная река арьев, устремляясь к Молочному (Белому) морю или (как его называли древние иранцы) морю Воурокаша, что значит «имеющее удобные заливы», назывался горами Меру (индийская традиция) или Хара (иранская). О них говорилось, как о протянувшихся с запада на восток и разделяющих реки на текущие к северу, в Белое Молочное море, и текущие к югу, в теплое Каспийское море. Почти 150 лет вопрос о местонахождении этих гор оставался открытым. В 1986 году С.В. Жарниковой было доказано, что свя-

щенные северные горы индоевропейцев, Меру и Хара индоиранцев, Рипейские и Гиперборейские горы древних греков и Алаунские горы Птолемея (II в. н.э.) — это возвышенности севера Восточной Европы, состоящие из гор Кольского полуострова, гор Карелии, Северных Увалов и Приполярного субширотного Урала. Причем главное место в этой дуге возвышенностей принадлежит именно Северным Увалам, которые древние арии не случайно называли «первозданным кряжем в божественном царстве света». Выдающийся советский ученый Ю. А. Мещеряков называл Северные Увалы «аномалией Русской равнины» и, говоря о том, что более высокие возвышенности (Среднерусская, Приволжская) уступают им роль главного водораздельного рубежа, делал следующий вывод: «Среднерусская и Приволжская возвышенности возникли в новейшее (неоген — четвертичное) время, когда Северные Увалы уже существовали и были водоразделом бассейна северных и южных морей». И даже более того, во время каменноугольного периода, когда на месте будущих Уральских гор плескалось древнее море, «Северные Увалы уже были горами». Что касается «божественного царства света», в котором находился этот «первозданный кряж», то здесь уместно обратиться к текстам древнеиндийского эпоса Махабхарата. Здесь говорится о том, что на Суварна (на севере) «постоянно блещет асура Агни» (т.е. постоянно сияет огонь), что солнце встает здесь по полугодиям, а в целом север назван «Золотой страной» и «Пре красноцветной». Академик Б. Л. Смирнов считал, что все это «является очень важным свидетельством знакомства древних индийцев с полярными странами». О любви к этому северному краю и памяти о нем свидетельствуют следующие строки эпоса:

«Над злом возвышается та страна, где вкушается блаженство.
Вознесена она силой, а потому Вознесенной зовется...
Это — вознесенного Золотого Ковша дорога;
Считается, что она посередине между востоком и западом...
В этом обширном северном крае...
Не живет человек, бесчувственный и беззаконный.
Здесь семь риши и богиня Арундхати;
Здесь находится созвездие Свати, здесь помнят о его величии;
Здесь нисходя к жертве, Полярную Звезду укрепил Великий Предок;
Здесь созвездия, луна и солнце постоянно обходят круги;
Здесь живут десять апсар по имени (Блиставицы) Возникновение Сияния;
Здесь зенит — Вишнупада, след, оставленный шагнувшим Вишну;
Через три мира шагая, он северный, вознесенной страны достигнул...
Северный край, лучший... за такие и другие свойства
«Вознесенным» слывет, ибо он возвышается во всех отношениях...»

Здесь Золотой Ковш или Семь Риши — созвездие Большой Медведицы; Арундхати и Свати — созвездия высоких северных широт — Кассиопея и Арктур из созвездия Возничего или Медуза из созвездия Персея; десять апсар или Блиставицы — Полярное сияние; Вишнупада — Северный Полюс. Академик Б. Л. Смирнов писал, в связи с этим текстом Махабхараты, что: «Большой исторический интерес для решения вопроса о родине арийцев представляют дальнейшие сообщения текста о том, что ближайшие к Полярной звезде созвездия описывают круги, центр которых — Полярная звезда. Пояс незаходящих созвездий указан определенно: Большая Медведица, Кассиопея и даже находящиеся на еще более низких градусах северной широты: созвездия Волопаса и, может быть, Персея. Эти созвездия не заходят за горизонт, то есть описывают круг, который можно проследить почти весь в течение одной ночи, особенно зимой, только в странах, расположенных не южнее приблизительно 55°–56° с.ш. Текст говорит об опасностях арктических путешествий и прямо указывает, как только человек проникает дальше на север, он погибает».

Махабхарате вторит древнеиранская Авеста, родная сестра и ровесница Ригведы. Так в посвященном святой реке арьев Ардвисуре гимне («Ардвисур-Яшт») звучит такая просьба:

«Даруй мне такую удачу,
Добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы достиг я царственного Хварно,
Который среди Ворукаша сияет,
Который причастен арийским странам,
Нынешним и грядущим...»

Напомним, что в иранской традиции Ворукаша или Воурукаша, что значит «имеющее удобные заливы», называлось «Молочное» (Белое) море индоарьев. Именно в него впадает священная река Ардвисура, а «царственное Хварно» — это северное сияние, которое сверкает над Белым морем. В «Ардвисур-Яште» священная двойная река арьев воспевается такими словами:

«Молись великой, славной,
Величиной равной
Всем водам, взятым вместе,
Текущим по земле.
Молись текущей мощно
От высоты Хукарья
До моря Ворукаша.
Из края в край волнуется

Все море Ворукаша.
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливают воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер».

Выдающийся болгарский лингвист В. Георгиев писал: «Географические названия являются самым важным источником для определения этногенеза данной области. В отношении устойчивости эти названия неодинаковы: наиболее устойчивы названия рек, особенно более значительных». Он подчеркивал *индоевропейское* (а не финно-угорское) происхождение таких названий рек, как *Двина*, Истра, Уда, Вилия и т.д. Итак, название Двины возникло до рубежа IV – III тыс. до н. э., когда произошел распад индоевропейской общности на различные диалектные зоны. Заметим, что в начале XVI века Сигизмунд Герберштейн писал о том, что: «Область и река Двина получили имя Двины от слияния рек Юга и Сухоны, потому что Двина по-русски значит *«два»* или *«по два»*. Аналогичные сведения сообщал еще один автор XVI века Александро Гванини в своем «Описании Европейской Сарматии». Он писал: «Провинция Двинская расположена на самом Севере и получила название по имени протекающей (здесь) реки Двины. Река сама получила название Двины от соединения двух рек – Юга и Сухоны. Ибо Двина у русских означает *«двойную»* (реку). Река эта, после слияния Юга и Сухоны, получив имя Двины, пройдя сто миль, впадает шестью устьями в Северный океан». Итак, Северная Двина – двойная река. Вспомним, что именно так звучит название священной северной реки Ардвисуры Анахиты – *«вода двойная»*. В связи с вышецитированным отрывком из «Ардвисур-Яшта», посмотрим на Северную Двину. Итак, «Северная Двина, впадающая в Белое море, является самой крупной артерией Севера Европейской части СССР. Она образуется от слияния рек Юга и Сухоны и впадает в Двинскую губу... Длина реки 750 км. Площадь ее водосбора равна 360750 км². В состав речной сети Северной Двины входит около 600 рек и речек». Она несет 110 млрд. м³ воды, что составило бы два Днепра и три Дона. Половина вод Белого моря, составляют воды, принесенные Северной Двиной. Во время ледохода на Северной Двине воды ее столь стремительно направляются в Белое море, что действительно «все берега приходят в волнение, вся середина его восстает волнами».

Именно эту реку предлагает в гимне восславить Заратуштре творец Ахура Мазда, говоря: «Это я, Ахура Мазда, их (то есть воды Ардви) произвел: чтоб дом и селенье, округ и страна процветали, чтоб защищать и охранять их, обо-

ронять и оберегать их». Именно Ардви — двойной реке у ее истока приносят жертвы прапредки арьев — солнцеподобный Яма и первый земной царь Парадата, имя которого значило «впереди поставленный», «созданный, чтобы быть первым». В Авесте говорится *о морозах, снеге и граде*, вспаивающих воды Ардвисуры.

Сам Ахура Мазда (Творец Премудрый) просит:

«Снизойди, снова вернись к нам,
О Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой,
Пусть смелые правители, властители страны,
Пусть сыновья властителей восславят тебя.
Пусть мощные наездники
Просят тебя о владении резвыми конями
И об увеличении славы своей,
Пусть в моленьях своих жрецы
[...] просят тебя о знании, о достижении святости,
О победоносном его превосходстве:
Пусть готовые к браку усердные девушки [...]
Просят тебя [...] о пруспении
И о мужественном хозяине дома,
Пусть молодые жены, пусть роженицы
Просят тебя о легких родах:
Ты, ты подашь им все это,
Ибо все это в твоей власти,
О Ардвисура Анахита!»

И, наконец, в том же «Ардвисур-Яште» дано описание того, как выглядит Ардви:

«Всякий может увидеть ее,
Ардвисуру Анахиту,
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
В нарядном плаще
С обильными складками, златопрядном...
Красуется она серьгами,
Четырехгранными, златокованными;

Ожерельем обвила благородная
 Ардвисура Анахита
 Прекрасную шею.
 Стягивает она стан свой,
 Чтобы дивные груди ее восстали,
 Чтобы влеклись к ней людские взгляды.
 Чело увенчала свое
 Ардвисура Анахита прекрасным обручем,
 Сотнями самоцветов украшенным, златокованным,
 Осьмичастным, словно бы колесница,
 Перевитым лентами, чудесным,
 С кольцом посредине, искусно сделанным.
 В бобровой шубе она,
 Ардвисура Анахита,
 Из трехсот бобров [...]]
 Сделанной в должное время;
 Меха ослепляют очи смотрящего
 Блеском золотым и серебряным».

Именно этой реке — деве поклонялся у ее начала пророк Заратуштра, и наставлял его в этом поклонении Создатель Вселенной Ахура-Мазда (аналог древнеиндийского ведического бога Варуны — ночного звездного неба, вод и космического закона «рта» или «арта»). В русской традиции Варуна — Ахура Мазда это Род (Троян - Велес - Святовит - св. Николай), а в его зимней ипостаси — Дед Мороз. Но, отметим, еще в дозораострийскую и древнеперсидскую верховную триаду, наряду с Ахура Маздой и Митрой, входила богиня вод Ардвисура Анахита. Зима — царство владыки ночного неба, космического закона, всех вод во Вселенной — Варуны (Деда Мороза). Митра — бог дня, солнца, огня отступает на третий план. А рядом с Морозом стоит богиня застывших вод, их воплощение Ардвисура. Она действительно Снегурочка, ведь Двина — это и текущие воды, и лед, и снег, и туман, и иней — вода во всех ее проявлениях, **закрытых снегом**.

Таким образом, мы пришли к выводу, что наши далекие предки много тысячелетий тому назад, когда они были не только нашими предками, но и прародителями большинства современных народов Европы, поклонялись Богу Создателю Вселенной — ночному звездному небу у начала своей священной северной реки, несущей воды в Белое (Молочное) море, «имеющее удобные заливы». Прошли тысячелетия. Грозный бог ночного неба превратился в Деда Мороза (Санта Клауса), священная богиня вод в Снегурочку. Но все также несет свои

воды в Белое море река, которую мы, по прошествии многих тысяч лет, продолжаем называть Двиной — двойной (т. к. «дви» — два на языке древних арьев — санскрите). А у начала Северной Двины, у слияния двух образующих ее рек Сухоны и Юга, находится древний русский город Великий Устюг. Именно он по праву может и должен именоваться «Родиной Деда Мороза», так как именно здесь в глубокой древности и сложился этот образ, воспетый в гимнах Ригvedы и Авесты, древнейших памятников культуры всех индоевропейских народов.

Завершая наш анализ исторических корней образа Деда Мороза на Русском Севере, мы можем констатировать, что истоки его уходят в седую общеиндоевропейскую древность и сложение этого образа происходило в северных широтах Восточной Европы не позднее V — IV тыс. до н. э.

В связи с этим традиционный облик Деда Мороза (согласно древнейшей мифологии и символики цвета) предполагает:

1. ***Густые серебряные волосы и такую же бороду*** — символа могущества, сакрального знания, магии, счастья, богатства, благополучия;

2. ***Трехпалые перчатки*** или варежки белого цвета, расшитые серебром, со знаком «сегнерова колеса» — символа вселенского закона и благодати. Такие перчатки (варежки) являются знаком чистоты и святости всего, что Дед Мороз дает из своих рук. (Трехпалость — символ принадлежности к высшему божественному началу еще с неолита, т. е. V — III тыс. до н. э. Показательны в этом отношении петроглифы Белого моря и Онежского озера, где на скалах выбиты изображения трехпалых людей именно в сценах, имеющих ритуальный, священный характер).

3. Он одет в длинную ***белую льняную рубаху, украшенную белыми или серебряными геометрическими орнаментами*** — символ чистоты и принадлежности к миру богов и предков.

4. Сверху на рубаху одевается ***красный или золотой плащ*** (красный предпочтительней, как более архаический, чем золото, символ связи с миром предков — «тем светом») или ***красная***, вышитая серебряными восьмилучевыми звездами и отороченная лебяжьим пухом шуба. В индоевропейской традиции (и севернорусской тоже) гусь, лебедь — символы неба, высшего знания, души, постигшей истину, души умершего и соединения трех стихий — земли, воды и неба).

5. На голове Деда Мороза ***красная шапка***, вышитая серебром и жемчугом. Оторочка из ***лебяжьего пуха*** завершается надо лбом ***стилизованными рогами***. К шапке по бокам могут прикрепляться серебряные лунницы.

Ожерелье из таких же лунниц может украшать грудь (поверх шубы и рубашки). **Пояс** белый с красным орнаментом (символ связи предков и потомков).

6. Сапоги Деда Мороза **красные**, шитые серебром или **серебряные**, шитые золотыми нитями.

7. **Хрустальный посох** Деда Мороза завершается **лунницей с колокольчиками** или серебряной **головой быка** (символы власти над водой, луной и миром предков — подателей плодородия и счастья живым).

Такая цветовая гамма связана с древнейшей индоевропейской символикой цвета, где белое — серебро символ луны, света, святости, севера, воды, сакрального знания, чистоты.

Красное — символ жизненной силы, творческого начала, смерти и реинкарнации, огня, золота, «того света».

Хрусталь — символ застывших вод, льда.

Отметим еще раз, что Дед Мороз приходит в мир людей после зимнего солнцестояния (22 декабря), когда, согласно древней ведической мифологии, началась Ночь Богов и начинался День Богов — строительство нового временного цикла. Являясь вестником «Утра богов», Дед Мороз вершит божественный суд, подводит итоги прожитого года, воздает всем по заслугам; отсюда наказания и поощрения (подарки).

Поскольку образ Деда Мороза берет начало в древнем мифологическом Варуне — боге ночного неба и вод, то и исток образа Снегурочки, постоянно сопровождающей Деда Мороза, надо искать рядом с Варуной. Судя по всему, это мифологизированный образ зимнего состояния вод священной реки арьев Двины (Ардви древних иранцев). Таким образом, Снегурочка — воплощение застывших вод вообще и вод Северной Двины в частности. Она одета только в белые одежды. Никакой иной цвет в традиционной символике не допускается. Орнамент выполняется только серебряными нитями. Головной убор — восьмилучевой венец, шитый серебром и жемчугом.

ПРОГРАММА Тролль

В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПРОГРАММЫ «ВЕЛИКИЙ УСТИЮГ -
РОДИНА ДЕДА МОРОЗА»

Образ русского Деда Мороза, как нами установлено, восходит к таким древнейшим общеиндоевропейским мифологическим персонажам, как Варуна (Уран), Ахура Мазда, Род — воплощениям ночи, луны, звездного неба, небесных и земных вод, холода, зимы, космических законов; повелителям мира предков, владыкам богатства и сакрального знания. Именно в них для древних жителей севера Восточной Европы — прапредков большинства современных народов Европы (и не только Европы) заключался исток всего сущего: зима, снег, холод, ночь — в их представлении — начало всех начал.

В традиции древних индоевропейцев год был трехчленным, состоявшим из четырех месяцев зимы (ноябрь-февраль); четырех месяцев весны (март-июнь); четырех месяцев лета (июль-октябрь). Такое членение года объясняется тем, что оно было характерно для времени климатического оптимума послеледниковья, начавшегося в VII тыс. до н.э., и продолжавшегося вплоть до середины I тыс. до н.э., когда в северных широтах (56°-69° с.ш.) средние летние температуры были выше современных на 3°-5° С, а весна начиналась почти на 30 дней раньше, чем сейчас. Древнейшие тексты Ригведы (созданные задолго до II тыс. до н.э.) говорят о том, что три четырехмесячья года олицетворяются в образах трех Рибху — богов покровителей этих сезонов. Год начинался с весны и первые четыре месяца олицетворял бог грозы Индра. Лето принадлежало Савитри — богине света, женской ипостаси живительной силы Солнца (Савитара) — «охранительнице», «спасительнице». Зима с ее дождями и снегами (то есть водами во всех проявлениях) принадлежала **Варуне** владыке космического закона и истоку всего. Именно в зиме, зимней ночи, сияющем звездами и сполохами полярного сияния темном небе видели наши далекие предки исток всего сущего на Земле. Такой трехсезонный год сохранился в Индии, куда во II тыс. до н.э. пришли со своей восточноевропейской прародины племена арьев. Это специфически индийская модель, и подобный трехсезонный год не встречается в сопредельных с Индией странах. В древних текстах высшие божества

характеризуются как «трехголовые», «трехтелые» или «трехликие». Вероятно, именно здесь надо искать смысл имени одной из ипостасей Варуны — Рода **Троян** — то есть «трехликий» владыка всех трех сезонов года. Таким образом, предлагаемая программа «Троян», являясь частью региональной программы «Великий Устюг — Родина Деда Мороза», возвращает нас в ту структуру года, которая была создана нашими далекими предками много тысячелетий назад, когда рождался мифологический образ владыки зимы и времени вообще — Деда Мороза (Варуны). Заметим в этой связи, что еще Абурейхан Бируни в X веке подчеркивал, что по представлениям индийцев «Девы, а это ангелы: они владеют областью севера... обитаемый мир находится в северной половине земли и здесь «полюс вертится вокруг самого себя». «А Полюс — это Вишну, которому подчиняются обитатели рая, он также есть время, которое создает и растит, уничтожает и губит». Именно **Вишну** (Всевышний), то есть **Полюс** (символ царства зимы и холода) — «тот единый источник», в котором в потенции содержатся силы созидания, сохранения и разрушения».

Троян в нашей традиции такой же изначальный источник (Дед Мороз), в котором заключены в потенции все силы года: весна (созидание); лето (сохранение); зима (разрушение и возможность нового созидания). Исходя из этого, строится весь цикл праздников программы «Троян».

МАСЛЕНИЦА

Историко-культурологическая справка

В древности Новый год (земледельческий) начинался с весеннего равноденствия — ночи с 21 на 22 марта. Именно к этому времени приурочены обряды Масленицы — «единственного крупного дохристианского праздника, не приуроченного к христианскому празднику и не получившего нового истолкования». Древность обрядов Масленицы подтверждается тем, что этот праздник (в том или ином виде) сохранился у многих индоевропейских народов. Так, в Швейцарии Масленица связана с ряжением. Это, прежде всего, устрашающие маски, происхождение которых было связано с древними верованиями. К их числу относятся «дым», «пестрые», «лохматые», или «вышедшие из дымохода» (в повериях через дымоход проникали духи). Для праздника делались деревянные размалеванные маски с оскаленными зубами и клочками шерсти и меха, которые производили жуткое впечатление. Появлению ряженных на улице предшествовал звон колокольчиков, висевших у них на поясах. Ряженные держали в руках длинные палки, с прикрепленными к ним мешочками золы и сажки. Звуки, издававшиеся ими, походили на рев, рычание или ворчание. Как считают швейцарские этнографы Р. Вейсс, К. Ханземанн и К. Мейли, эти мас-

ки служили в древности воплощением умерших, были связаны с культом предков и были принадлежностью мужских союзов. Ряженные мазали встречных сажей или обливали водой — действия, связанные в прошлом с магией плодородия.

В Польше ряженные одевались в вывернутые кожухи, водили по дворам «турона» и «козу». Они также мазали лицо сажей.

В Чехословакии были распространены масленичные шествия ряженных. В Словакии это шествие возглавлял «туронь». Ряженные мазали прохожих сажей и обсыпали пеплом.

В Югославии ряженные одевались в одежды из овчины, мехом наружу, «украшенные» колючими ветками, хвостами животных, колокольчиками. Маски делали из кожи, дерева и даже из металла. Среди зооморфных масок особое распространение получили маски с рогами. Причем маски и колокольчики переходили по наследству от отца к сыну.

В Нидерландах на Масленицу фермеры собирают необъезженных лошадей. Их тщательно чистят, в гривы и хвосты вплетают яркие бумажные цветы. Затем участники праздника садятся на лошадей и скачут к морскому берегу, причем лошадь обязательно должна замочить ноги.

В Германии ряженные парни и девушки впрягались в плуг и ходили с ним по всем переулкам города. В Мюнхене при переводе учеников мясников в подмастерья в масляничный понедельник ученики были одеты в овечий мех, обшитый телячьими хвостами. Они старались обрызгать водой из фонтана всех стоящих вокруг. Прежний смысл этих действий — заклинание плодородия.

В число маясяничных ряженных часто входила супружеская пара или жених с невестой, а раньше включались и элементы свадебного обряда. (Безбрачие в народе часто воспринималось как порок, который мог повлиять на плодородие почвы). У лужичан в масляничных танцах считалось, что танцевать надо бойко, прыгать высоко, чтобы лен уродился высокий.

В Сербии, Черногории и Македонии после масляничного ужина, когда вся семья собиралась вместе, подвешивали над столом на бечевке вареное яйцо и раскачивали его по кругу: каждый из присутствующих стремился прикоснуться к нему губами или зубами. Верили, что этот обычай способствовал хорошему урожаю, увеличению поголовья скота и птицы.

В Словении на Масленицу все, и стар, и млад, должны были плясать и прыгать, чтобы хорошо уродилась репа, причем, чем выше подпрыгивают танцующие, тем обильнее был урожай. С этой же целью плясали и подпрыгивали ряженные. Считалось, что *качание на качелях, на канатах, сплетенных из растений, или непосредственно на ветвях деревьях, также способствует плодородию земли, здоровью людей и борьбе со злой силой.*

В ряде мест Словении посуду, бывшую в употреблении в последний день Масленицы, не мыли, а во время сева сеяли из нее — верили, что это принесет богатый урожай.

И, наконец, в Болгарии на сырной неделе качались *на качелях*, что по поверию, *приносило здоровье*. В течение всей сырной недели парни и девушки затемно выходили за село, садились на какое-нибудь ровное место, повернувшись к востоку, и пели песни. Затем водили хоровод и продолжали петь песни любовного содержания. Народное объяснение¹ обычая — «для плодородия и здоровья».

Все эти факты свидетельствуют о том, что Масленица, как праздник начала года — весны, сложился еще в общиндоевропейский период, не позднее рубежа IV — III тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют не только традиции европейских народов, сохраненные вплоть до наших дней, но и традиции Индии, пришедшие из глубокой древности.

В древнеиндийской обрядности многие элементы Масленицы (и последующей Пасхи) прослеживаются в одном из самых ярких праздников порубежья зимы и весны — Холи, который отмечался в феврале-марте (окончание холодного сезона). Н. Р. Гусева подчеркивает, что *«все ритуальные действия праздника неотделимы от магии плодородия и исторически восходят к доиндийскому периоду жизни арьев»*. Обрядово-магические проявления, связанные с *весенним равноденствием*, носят характер, чрезвычайно близкий пасхальным, восходящим непосредственно к язычеству, что и перешло в пасхальную обрядность славянских народов». Как пример таких общих обрядов Пасхи и Холи, Н. Р. Гусева приводит обычай красить яйца в красный цвет у славян и обливать друг друга красками у индийцев. Причем: «и у тех, и у других красный цвет применяется обязательно как цвет воспроизводства людей и животных, и это служит одним из самых четких пережитков магии плодородия». Помимо пасхальных элементов, в индийском празднике Холи присутствуют в большом количестве обрядовые действия, характерные для восточнославянской Масленицы. Это целый ряд поведенческих проявлений, которые, судя по всему, сложились в глубочайшей древности: распевание непристойных песен эротического содержания, исполнение танцев плодородия, распитие алкогольных напитков, приготовление ритуальной пищи из теста и творога. В Индии во время праздника Холи обязательно сжигают чучело Холики, которое делают из соломы. Для костра собирают хворост, солому, старые вещи, коровий навоз. Костер поджигают огнем, который каждый приносит из дома, и все танцуют возле него.

Но, согласно русской традиции, на Масленицу разрешалось петь непристойные песни, полные эротических намеков. В. К. Соколова пишет: «на проводах Масленицы на реке Тавде главные распорядители раздевались донага и делали вид, что моются в бане. В Ишимском округе 60 лет назад был «масленичный король», который произносил «речи в костюме Адама». Интересно отметить, что обнажались даже при лютых морозах, и делали это не мальчишки, не отпетые озорники, а пожилые уважаемые люди».

На Русском Севере на Масленицу, как и в Индии во время праздника Холи, жгли костры. Причем материалом для костра было сено, солома, старые вещи. В Белозерском уезде Новгородской губернии девушки сено и солому старались добыть тайно, украв у соседей. Здесь не добавляли в костер коровий навоз, но зато обмазывали им дно корзин и нижнюю часть деревянных плашек, на которых скатывались с ледяных гор. Чучело Масленицы, как и Холики, делали из соломы и сжигали. В Вологодской губернии такой обряд был распространен в Кадниковском, Вологодском, Кубенском и Никольском уездах. На Масленицу ряженые в Вологодской губернии нередко сыпали на пол избы пепел и золу и плясали на них, а также мазали сажей и посыпали пеплом и золой всех участников обряда. В индийской традиции существует обычай во время Холи брать горсть золы от костра, посыпать им пол в доме и бросать щепотки золы друг в друга.

Обрядовые действия на Масленицу на Русском Севере были разнообразны. Так В. К. Соколова, в связи с проводами Масленицы отмечает следующие основные моменты:

1. Зажигание костров;
2. Проводы — похороны;
3. Обычаи, связанные с молодоженами;
4. Катание на лошадях и с ледяных гор;
5. Праздничная трапеза — блины;
6. Поминание усопших родителей.

1. Зажигание костров. В некоторых сообщениях говорится, что материал для костра надо было обязательно украсть. Возможно, что это очень древний пережиток — собирать все для священных огней тайно (такой обычай соблюдался при сборе материалов для купальских костров украинцев и белорусов).

Материал для костров свозили на *паровое поле*, на возвышенность и в сумерки зажигали костер. Под влиянием обычая красть материал для костра, стали красть и бревна для ледяной горки — «катушки». Так делали в селе Кокшеньга Никольского уезда Вологодской губернии.

2. Проводы – похороны. Масленица – праздник, связанный с поминовением покойников. Кулачные бои, которые устраивают на Масленицу – также один из элементов поминального обряда. Костры, которые жгут на Масленицу (из соломы и старых вещей) также в древности были связаны с культом предков, так как считалось, что ритуально человек **обязательно** должен был умереть на **соломе**. Среди персонажей Масленицы (как и святок) обязательно были: предки («старцы», «покойник»), чужаки («нищие»). Именно они «отпевали покойника», которого изображал кто-нибудь из мужчин. Всех девушек заставляли целовать его в губы. Это отпевание очень часто выражалось в самой изощренной «площадной» ругани, которая была ритуальной и, как считалось, способствовала плодородию. Ряженные рядились в изорванную одежду, лохмотья, в вывороченные шубы, приделывали горбы («старцы»), накрывались пологом («лошадь»), мазались углем, сажей. Придя в избу, плясали молча или имитировали голосом вой, звучание музыкальных инструментов. По деревне ряженные могли *ездить на метле, на ухватах*.

3. Обычай, связанные с молодоженами. Д. К. Зеленин считал, что некоторые элементы масленичных обрядов «свидетельствуют о том, что когда-то этот праздник совпадал с окончанием периода свадеб. С одной стороны, в них содержатся величания молодых, вступивших в брак в течение последнего года, с другой – наказания для тех, кто не сумел воспользоваться только что закончившимся свадебным периодом». Он отмечал, что Вьюнишник, то есть пение песен с поздравлением новобрачных, в некоторых местах также приходится на Масленицу. Один из распространенных в XIX – начале XX в. обычаев – катание молодоженов с горы на салазках «прокатывание». Особенно устойчиво катание молодых с ледяных гор сохранилось на Русском Севере (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии). Этому катанию здесь придавалось особое значение. Молодая, как правило, поднявшись на гору, низко кланялась **три раза** и, сев на колени мужа, целовала его. Скатившись с горы, молодая еще раз целовала мужа. Считалось, что для плодородия молодых необходимо сажать прямо на снег, на них наваливались все, кто скатывался с горы, их зарывали в сугроб. В этом обряде молодоженам наглядно демонстрировали истину: «Жизнь прожить – не поле перейти».

Катанию с гор в древности приписывалось магическое значение. До начала XX века во многих областях России продолжали кататься с гор на пряхках (или донцах пряхок) «на долгий лен». Так в Кубенском уезде, с гор катались и замужние женщины.

4. В этот круг обрядов входит и **катание на лошадях**, которых украшали лентами, расписными дугами, дорогими колокольчиками. Сани традиционно

закрывали овчинами мехом наружу, которые также считались стимулирующими плодородие.

5. Праздничная трапеза — блины. В. К. Соколова пишет: «Некоторые исследователи видели в блинах отголосок солярного культа — знак оживающего солнца. *Но это мнение не имеет серьезных оснований.* Блины по происхождению, действительно, ритуальная еда, но связаны они были непосредственно не с Масленицей и с *солнцем*, а с культом предков, который входил как составной элемент в масленичный обряд». Суббота перед Масленицей отмечалась как родительская. В этот день пекли блины (начинали печь). В некоторых деревнях первый блин клали на божницу — «родителям», этот блин мазали медом, коровьим маслом и посыпали сахарным песком. Иногда первый блин несли на погост и клали на могилу. Надо помнить, что блины — обязательная еда на похоронах и при поминовении душ умерших. Причем, знаком Масленицы блины стали только у русских, у украинцев и белорусов такого не было.

В связи с обрядовыми блинами, стоит обратить внимание на то, что жители гор Афганистана — калаши, которых считают наследниками «древнейшей доведической идеологии первых индоевропейских иммигрантов на субконтиненте», во время праздника «*shamto*» (аналога русской Масленицы) пекут три лепешки, предназначенные для душ умерших. И здесь стоит вспомнить текст Махабхараты, рассказывающий древний миф о том, как появилась жертва предкам и почему предки называются «пинда», то есть лепешки. Этот миф гласит, что когда «земля, опоясанная океаном, некогда исчезла», то Творец поднял ее, приняв образ вепря-кабана. (Вспомним, что один из христианских святых, заменивших древнего бога Велеса-Трояна, носил имя Василий и был покровителем свиноводства). Итак, подняв первоматерию из глубин космического океана, Творец увидел, что к его клыкам прилипли *три кома* земли. Из них он слепил три лепешки и произнес следующие слова:

«Я творец мира, себя воздвиг, чтобы произвести предков.

Раздумывая о высшем законе обряда жертвы, предкам,

Достав землю, я со своих клыков на южную сторону сбросил

Эти лепешки, из них возникли предки.

Эти *три лепешки* безвидны, пусть будут безвидны

И вечные предки, созданные мною в мире.

Как отца, деда и прадеда пусть меня знают,

Пребывающего здесь, в трех лепешках.

.....
Певец, таков его устав, что предки познаются как лепешки.

И по слову Творца постоянно получают поклонение».

6. Поминание усопших родителей. Приготовление ритуальной пищи — блинов непосредственно связано с поминовением усопших родителей. Еще П.В. Шейн в XIX веке подчеркивал, что крестьяне считают «будто надежным способом связи с иным миром является обычай печь блины». Это обязательная еда похорон, поминок, свадеб, святок и Масленицы, то есть дней, в той или иной мере связанных с отправлением культа предков. В.К. Соколова отмечает, что: «В первой половине XIX века обычай отдавать первый блин покойным родителям или поминать их блинами, видимо, бытовал широко». Вероятно, здесь перед нами отголосок древнего мифа, приведенного выше, согласно которому первые предки возникли из *трех комов земли*, превращенных Творцом в лепешки. Таким образом, первый блин, судя по всему, является символом кома земли и *прадеда*, то есть Творца или Деда Мороза.

Поэтому ритуальное кормление блинами — прерогатива Деда Мороза и дней, связанных с его обрядовым почитанием.

Так как Масленица была связана с поминовением усопших родственников и характеризовалась ритуальными бесчинствами ряженных, нет ничего удивительного в том, что вплоть до конца XIX — начала XX в.в. некоторые архаические элементы поведения ряженных сохранялись в домашних обрядах. Уже отмечалось ранее, что ряженные «колдуны» могли ездить голыми на палке, метле, кочерге. Но на порубежье веков в Тотемском уезде существовал обычай, при котором нагие женщины до восхода солнца три раза объезжали дом на клюке (чтобы выжить клопов и тараканов). А в Череповецком уезде каждый хозяин дома обязан был «объехать утром избу на помеле, чтобы никто не видел, и в доме целый год будет всякого добра».

Будучи праздником, связанным с культом предков, подателей плодородия, Масленица в древности длилась не 8 дней, а 14, то есть знаменовала собой *день предков* (сутки предков — 28 дней или лунный месяц), которые возвращались в мир живых для помощи потомкам.

О том, что Масленица длилась 14 дней свидетельствует сообщение одного из иностранцев, посетивших Россию в 1698 году. Он писал, что «Масленица напоминает мне Италианский карнавал, *который в то же время и таким же образом отправляется*». Приходя в мир живых всего лишь на день из своего мира, «родители», во главе с Трояном, не только увеличивают животворящую силу Земли, но и обретают новые силы сами. Ведь блины, овсяный кисель, мед, крашеные яйца, молоко, творог, каши — это пища не только живых, но и пришедших к ним в гости на Масленицу предков. Вкушая ритуальную трапезу, Дед Мороз превращается из владыки холода и ночи во Владыку весны и утра года — Трояна. Ему еще предстоит показать вновь все три своих лика: юность — весну — созидание; лето — зрелость — сохранение; зиму — старость — разрушение, а значит и возможность нового созидания.

Таким образом, в предлагаемой программе календарных праздников (в рамках программы «Великий Устюг – Родина Деда Мороза») праздник «Здравствуй, Масленица!» («Троян») является комплексом мероприятий, посвященных весеннему равноденствию, владыке весны Трояну, связанному с возрождением природы. Обрядово – этот момент года, когда старик Дед Мороз вновь обретает жизненные силы и превращается в юного Трояна (мальчик Троян).

Исходя из вышеизложенного, все мероприятия Масленицы не должны выходить за рамки традиции, это:

- Ритуальные вечерние или ночные костры из соломы на возвышенностях, полях или шестах (возможны костры в виде «сегнерова колеса»);
- Качание на русских качелях, перекидных досках, кулачные бои;
- Катание на лошадях верхом и в санях;
- Катание с ледяных гор на донцах прялок, на прялках, в корзинах, на деревянных плашках, качание на русских качелях;
- Угощение: блинами, овсяным киселем, пивом, медом, творогом, молоком, кашами (овсяной, ячменной, пшеничной);
- Ритуальные обходы ряженных.

Персонажи ряженья Масленицы

1. Предки – «старцы», «покойник», «высокие старухи».
2. Чужаки – «нищие», «охотник», «черт» (весь черный с рогами).
3. Молодые – «жених с невестой», «беременная баба».
4. Животные – «Бык», «Корова», «Конь», «Козел», «Лось», «Медведь», «Собаки», «Волки».
5. Птицы – «Гусь», «Гусак», «Журавль», «Утка», «Курица».

Ряженые «пекли блины», «сбивали масло», «молотили горох», «мололи муку», «меряли солому». Они «женили молодых», «отпевали покойника». «Деды» сажали девок на колени к парням, «женили их». Тех девок, которые не подчинялись им, «деды» били вениками, заставляли целоваться с собой. Всех обливали водой. Есть сведения о том, что на Масленицу «колдуны ездили голые на палке».

Необходимое оборудование: русские качели, русские горки (ледянки), санные выезды (тройки), блинные палатки, открытая эстрада для выступлений коллективов.

ТРОИЦА (Семик и Троица)

Историко-культурологическая справка

Следующим после Масленицы обрядово-значимым праздником Троянова цикла была Троица (и Семик — четверг перед Троицей или, реже, после Троицы). И Троица и предваряющий ее Семик были связаны с культами плодородия. А так как плодородие, как и знание будущего, могли дать только предки, обитатели «того света». То и на Троицу обязательно пекли блины и гадали о судьбе. Синхронная христианской Пятидесятнице, древняя Троица представляла собой смешение двух культов — культа растений и культа заложенных покойников, запоздалое погребение которых происходило в Семик. «Заложенные» покойные это люди, умершие преждевременно. Среди них много девушек — утопленниц или умерших не своей смертью. Именно с ними в значительной мере связаны обряды Троицы. По существу Троица — праздник растительности и воды. С хозяйками воды «русалками» в эти дни *кумились*, то есть заключали временный союз, который потом расторгали обрядом раскумления. Как правило, такое посестрительство с русалками длится не более *трех* дней. Д. К. Зеленин считал, что «такой кратковременный союз заключают с определенной целью, а именно:

а) чтобы узнать у русалки свою судьбу; венки, на котором покачалась кумарусалка, бросают в воду и по тому, всплывет он или потонет, предсказывают будущее;

б) чтобы доставить русалке развлечение, связанное с эротическим кумовством (наследие древних свадебных периодов), и вообще, чтобы ее успокоить и убогатворить, дабы она в будущем не мстила человеку, а помогала».

В Троицких обрядах самые древние элементы связаны с культом растений. Так, согласно информации, собранной фольклористами, на Троицу в деревни, дома, к колодцам приносили березки. Их ставили под окна, «торкали под матицу от грозы», приносили ветки берез в дома. Иногда их стелили на пол *вместе с соломой*. Засохшие ветки березы затем клали *в сено*, чтобы «сено не секли мыши». Березки ставили на могилы, на них вешали полотенца. Из березовых веток вили веники, в них вплетали также цветы. Такими венками на Троицу венчали *коров и быков*. Иногда пастух надевал венки коровам на рога и один венок приносил хозяину, который вешал его в доме или во дворе. Считалось, что «Это Бог счастья дает». В целом Троица состоит из трех праздников: Духовской субботы (Родительской субботы), Троицы (воскресенье) и Духова дня (понедельник). В Духовскую субботу ходили на кладбища. Носили кутью, *блины*, пироги, в древности пиво и мед. На кладбище ходили в 12 часов дня, то

есть в полдень, что связано с древним представлением о том, что именно в полдень к трапезе приходят умершие родители. На могилах завивали венки. Потом этими «духовскими венками» лечили детей, продевая их 3 раза через венок. Считалось, что принесенный с кладбища «духовский» венок обладает сверхъестественной жизненной силой.

На Троицу (как и на Масленицу) девушки и даже немолодые женщины (до 40 лет) качались на качелях, которые раскачивали мужчины, получавшие в оплату «крашенки» (крашеные яйца). Мужчины затем делали среди деревни круг, по которому катали яйца, «бились в битки». Яйца красили березовой корой. В течение всех трех дней Троицы ели *блины*. Во многих севернорусских местностях на Троицу ходили на ржаное поле, катались в озимой ржи. Приходили сюда с пирогами, блинами, медом. По ржи катались дети, катали девок, баб, мужиков. Обязательно катали по полю крашеные яйца и подбрасывали их вверх, чтобы рожь росла высокой.

Кумление на Троицу представляло собой следующее: девушки сгибали две березы, связывали их макушки, а потом начинали ходить под ними парами навстречу друг другу. Ходят, меняются платками, проходят три раза, поют вдвоем, остальные молчат. Проходя, завивают венки на неделю, загадывают: засохнет — к смерти. Проходят *трижды* под березой, целуются. Женщины кумились также там, где росли две сросшиеся вместе березы. Они менялись платками, целовались через нательный крест, повешенный на березу.

Среди наиболее архаических обрядов — *очерчивание*. Ветхая старуха, *верхом на кочерге*, после завивания венков очерчивала круг, обсыпая окружающих *овсом*. Ей пели «срамные» песни. При очерчивании обязательно двигались по солнцу, при расчерчивании — против солнца. Иногда при очерчивании женщин обсыпали листьями березы. Они подставляли передники, и если в него попадал листик, то женщина верила, что у нее родится ребенок, если два — то двойня.

Иногда на Троицу девушки надевали женский головной убор, а женщины напротив — заплетали косу по-девичьи.

В Семик (четверг перед Троицей или после Троицы) совершали обряды в память всех заложных покойников, а не только тех, которые превратились в русалок. По ним устраивают в Семик поминки в местах древних языческих погребений. Эти поминки отличались общим весельем, музыкой и ритуальным свистом.

Существовал обычай делать в Семик чучело и в Троицу хоронить его, провозжать наподобие масленицы. Чаще всего чучелом была украшенная березка. Ее или топили в воде, чтобы летом была необходимая влага, либо разрывали на поле. Где ставили в рожь, раскидывая вокруг яйца (символ жизни), чтобы

рожь лучше уродилась. На Троицу хоронили с песнями не только березку, но и «кукушку» (букет из травы «кукушкины слезки») или «русалку», которую избражала соломенная кукла или та же самая березка, но в белой рубахе. Ее бросали в реку под плач, хохот, под дикий треск трещеток, тазов, залонков, в сопровождении игры на музыкальных инструментах и ритуальной пляски.

В Духов день умывались водой, в которой красили березовой корой яйца, приговаривая: «Матушка вода, дай добра». Иногда в воду бросали и березовые листья. Эти обряды были знаками символического приобщения человека к весеннему возрождению природы. Все действия троицкой обрядности в той или иной мере связаны с *березой*. Будь то кумление девушек, женщин, или кумление с русалками — в центре этого действия находилось святое дерево. Информаторы прямо сообщают, что в эти дни «*молились святой березе*». Здесь стоит еще раз напомнить, что в древнейших индоевропейских представлениях Верховное Божество (Творец Вселенной и Владыка космического закона «рта») постоянно ассоциировался с «деревом жизни». В космическом пространстве «держит крону дерева» Варуна — прообраз Велеса-Рода и Деда Мороза. Со сверкающей огнями-звездами елью приходит на Новый год Дед Мороз. Специально подготовленные зеленые ветки — один из символов Масленицы у всех европейских народов. Так в Швеции, Норвегии, Дании на Масленицу украшали подоконники зелеными ветками, а в масляничный понедельник хлестали друг друга березовыми ветками. В Германии на Масленицу предавалось большое значение зелени. Там дети ходили в лес искать «дикого человека». Изображающий его был *одет в листву и держал в руках деревце*. Эти примеры можно было бы продолжить. Но, возвращаясь к русской традиции, подчеркнем, что если Дед Мороз приходит зимой со сверкающей елью (сосной), то есть хвойным деревом — единственным в наших широтах, сохраняющим зеленый цвет — цвет жизни, то весной те же функции священного дерева у наших предков выполняла береза. Такое отношение к березе, как к ритуально значимому, чистому дереву уходит корнями в глубочайшие пласты индоевропейской древности. Так, К. Йеттмар отмечает, что у жителей гор Гиндукуша (Афганистан), как полагают, потомков одной из первых волн индоевропейских иммигрантов, пришедших сюда со своей восточноевропейской прародины задолго до II тыс. до н.э., сохранились представления о том, что береза «*чистое и священное*» *дерево*. Так считается, что спастись от ведьмы можно только забравшись на березу. На бересте охотно пишут тексты — амулеты, а в домусульманский период для буддийских рукописей использовали именно полосы бересты. Заметим, что *Bhurja* (береза) — это дерево, из коры которого изготовлялся материал для письма, упоминается еще в «Яджурведе». Ма-

териалом для письма береста оставалась в Индии вплоть до XVI века. В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе отмечают, что название березы связано в индоевропейских языках с техникой письма, и что ее использовали как материал для письма *в древнейших индоевропейских культурах*. Но именно как материал для письма береста до недавнего времени использовалась в северорусской и индийской традиции. И это при том, что в Индии березы растут только на высотах 2500—4300 м. И за берестой надо было подниматься достаточно высоко. На бересте делались записи о браке высших каст, писались сакральные тексты. Одна из древнейших записей текстов Ригведы была сделана на бересте. Все это лишний раз подтверждает, что в представлениях наших далеких предков береза была деревом, связанным с Верховным Божеством Вселенной. В обрядах Троицы главное действующее лицо — береза — космическое древо жизни, соотношенное с Творцом. О том, что это именно так, свидетельствуют старинные русские заговоры. Ранее отмечалось, что в заговорах священное дерево — «карколист» растет в сакральном пространстве вечности «на Море Океане, на острове Буяне», причем — «вверх корнями, вниз ветвями». Именно такое дерево держит в «бездонном пространстве» неба древний индоевропейский бог Варуна (Уран), аналог русского Деда Мороза. Но вот перед нами старинный русский заговор: «На море Окияне, на острове *Кургане* стоит *белая береза* вниз ветвями, вверх кореньями». Остров Буян (как и остров *Курган*) — мир предков, «тот свет», которым правит в древнеиндоевропейской традиции Царь Вселенной Варуна (*Дед* Зевса — Уран), а в русской Велес — Род или Дед Мороз.

Предшествующий Троице Семик целиком и полностью подчинен поминовению умерших. Троица — праздник возрожденной растительности и вод, также связана с поминовением «родителей» — предков, подателей здоровья и счастья для живых. И в этом своем качестве она, бесспорно, связана с Трояном, как одной из ипостасей Деда Мороза — Творца Вселенной, в его весеннем, возрожденном к жизни качестве, то есть в виде юноши («зеленый Троян»).

Таким образом, праздник «Троица» состоит из следующих основных моментов:

- Семик — обряды поминовения усопших;
- Кумление и обряды с березой;
- Троицкая трапеза;
- Закливание плодородия полей;
- Ритуальные пляски среди растительности;
- Качание на качелях на долю;
- Гадание на венках о судьбе.

В данном обрядовом действе Троян (Дед Мороз) — юноша в одежде из листьев с деревцем березы в руке. В его функции на празднике входит:

1. Освящение начала девичьих кумлений.
2. Заклинание плодородия полей и лесов.
3. Возглавляет ритуальные пляски на поляне.
4. Освящает ритуальную трапезу (крашеные яйца, яичницу, блины, пироги, пиво, различные напитки с медом).

Необходимое оборудование: блинные палатки или «харчевни»; лодки (возможно теплоход для прогулок по воде); палатки для торговли сувенирами (прикрепляются к березовым веткам); летняя эстрада с дерновым покрытием или поляна с легкими навесами.

1 МАЯ

Историко-культурологическая справка

В период между Масленицей и Троицей возможно проведение еще одного праздника **троянова цикла** — 1 Мая. В русской традиции конец апреля — начало мая — дни, посвященные Николе Вешнему. Мы знаем, что св. Николай в русской традиции сменил древнее божество Велеса-Волоса, аналога Трояна-Рода и ведического Варуны. В древности порубежье апреля-мая были «велесовыми» днями. Празднование начала мая характерно практически для всех народов Европы, что говорит о древности данного праздника.

Так, в Италии, в ночь на 30 апреля парни и девушки шли в лес на ночную прогулку. Они вырывали с корнем какое-либо дерево (бук, **сосну** или **ель**) и устанавливали его на деревенской площади. К вершине дерева подвешивали подарки. Молодежь веселилась вокруг дерева. В последний вечер апреля или 1 мая деревенские парни ходили от дома к дому. Они носили зеленую ветвь, украшенную пестрыми лентами, цветами и лимонами. В начале прошлого века в некоторых деревнях области Венета в первые три майских вечера молодые люди носили зажженные ветки.

В Испании на 1 мая приходится праздник Зеленого Сантьяго, напоминающий чествование Георгия Зеленого у славян. Обязательный элемент майских праздников — майское дерево. Утром праздничного дня срубленное дерево сажают в свежерыкопанную на площади яму, украшают его цветными лентами и сладостями, а вечером пляшут вокруг.

В Нидерландах на 1 мая ставили майское дерево. Молодежь подыскивала его в лесу, а затем срубленное дерево, украсив его пестрой бумагой, везли в деревню.

Установка майского дерева — символа расцвета природы и плодородия характерна также и для Англии. Накануне 1 мая молодежь обычно отправлялась в лес «собрать май» и возвращалась с песнями, неся охапки зеленых веток и цветов. Дома, заборы, ворота украшали гирляндами зелени. Вечером 1 мая молодежь играла и танцевала возле «майского дерева».

«Майское дерево» ставили на 1 мая и в скандинавских странах. В этот день дома и церкви украшали листвой.

В Германии также в ночь на 1 мая устанавливали майское дерево. Накануне 1 мая парни ходили в лес за деревом и должны были до захода солнца доставить дерево на праздничную площадь, не пользуясь телегой и лошадью (что говорит о глубокой архаичности обряда). На ночь около дерева выставляли охрану, чтобы его не украли парни из соседней деревни. С восходом солнца и когда дерево было украшено, его нельзя уже было красть. Дерево украшали лентами, венком и *личной скорлупой*. Вокруг майского дерева молодежь водила хороводы и пела песни.

Аналогичные обряды были в Австрии, где в ночь на 1 мая также устанавливали майское дерево, которое старались незаметно украсть из леса, принадлежавшего соседней деревне. В его украшении участвовала вся молодежь. Майское дерево, как и в Германии, ночью охраняли, чтобы его не украли соседи. Похищенное дерево старались поскорее вернуть, так как его потеря была не только позором, но и считалось несчастливым предзнаменованием.

В Чехии, Моравии, Словакии в ночь на 1 мая юноши ставят «май» — это высокая тонкая пихта или *ель*. Верхушку «мая» украшают пестрыми лентами, красными платками, калачами. В нижней части дерева ветки обламывают и ствол тщательно очищают от коры. Ниже кроны подвешивают широкий венок из весенних цветов. Эти примеры можно продолжать достаточно долго. В русской обрядовой практике аналогичного праздника сегодня нет, обряды с деревом — березкой характерны для другого праздника — Троицы. И более того, майское дерево во всех странах Европы, как правило, находят в лесу, приносят, охраняют, а зачастую и украшают парни, хотя веселится около него вся молодежь. Что же касается обрядов с троицкой березкой — то это сугубо девичий и женский праздник. Но, тем не менее, майское дерево, бесспорно, связано с тем космическим «древом», которое держит Варуна — Дед Мороз. Тем более, что зачастую в качестве майского дерева выступает все та же украшенная ель, что и в Новом году. Поскольку обряды с «майским деревом» есть практически у всех индоевропейских народов Европы, можно предположить, что они ранее были характерны и для восточных славян. Во всяком случае, такой праздник может органично войти в годовой цикл «Троян», поскольку 1 мая все равно по традиции у нас в стране отмечают как День международной солидарности трудящихся. Представляется, что древний майский праздник гораздо ярче,

нарядней и естественней для русской народной традиции. Тем более, что в таком варианте праздника присутствует главный компонент обрядов, связанных с Дедом Морозом — Трояном — наряженное дерево, зачастую хвойное — ель, вокруг которого водят хороводы и которое считают священным, влияющим на последующую жизнь людей. Руководит праздником *парень*.

Таким образом, в весенний цикл «Троян» могут войти такие праздники как:

1. **Масленица** (весеннее равноденствие или начало нового земледельческого года);
2. **Май** (1 мая, «майское дерево»);
3. **Троица** (девичий и женский праздник поминовения предков и поклонения священному дереву — березе).

Основной объединяющей идеей всех праздников весеннего троянова цикла является идея *Созидания*.

Дополнительная информация по весенним праздникам (Троянова цикла):

1. Кулачные бои, как правило, происходят между Рождеством и Масленицей. В некоторых областях происходили и на Троицу. Д. К. Зеленин считал кулачные бои «отголоском древней тризны, которая принимала форму состязаний у могилы умершего («драться по мертвецы»). Еще сохранилась некоторая связь кулачных боев с днями поминовения умерших, как, например, с Масленицей или Троицей. В кулачных боях принимают участие одни лишь мужчины. Женщины, если и присутствуют, то только в роли зрительниц».

2. Качели — являются почти исключительно женским развлечением. На них качаются весной: от Масленицы до Троицы.

Вот как описывает их Д. К. Зеленин: «Различаются *простые и круглые* качели. Для сооружения простых качелей к концам доски длиной в 1,5-2 м привязывают крепкие веревки, иногда свитые из молодых березок. Длина веревок 2-3 м. Верхние концы веревок прикрепляются к поперечному бревну, укрепленному высоко над землей на особом сооружении из столбов. Таким образом, доска висит горизонтально примерно на метровой высоте. Два человека становятся по краям висящей на веревках доски и раскачивают ее, держась руками за веревки и упираясь ногами в доску. Остальные садятся на доску между обоими стоящими и спускают ноги. Размах раскачивающейся доски иногда очень велик, и доска взлетает высоко над землей».

«На *круглых* качелях качающиеся описывают полный круг вокруг высокого поперечного бревна. На двух высоких, врытых в землю, столбах лежит вал, сквозь концы которого пропущены два шеста. На этих шестах укреплены четыре висящих доски. На каждую из этих досок садится по два человека. Парни, стоящие у качелей, ухватив за концы, поднимают и опускают их».

«Одновременно с качанием на качелях девушки прыгали на досках. Доска кладется поперек толстого бревна таким образом, что концы ее, выступающие по сторонам бревна, уравновешены. Кто-либо из участников садится на середину доски. На концы доски становятся две девушки и начинают поочередно подпрыгивать, благодаря чему поднимается то один, то другой конец». Д. К. Зеленин считал, что качание на качелях и скакание на досках это «магический обряд, связанный с земледельческим культом: высота взлета на качелях и прыжков на доске должна послужить символом мощного роста растений и вызвать этот рост». Кроме того, стоит отметить, что санскритское «*dola*» (дола) — качание, колебание, а «*dola*» (доля) — качели, то есть на качелях качались *на долю*, то есть на судьбу.

«Катание с высоких гор на санках, аналогичное качанию на качелях, сохранило в народной памяти связь с земледельческой магией, особенно ростом густого и высокого льна и конопли: русские женщины на Масленицу и в первый понедельник Великого поста специально для этого (как говорится, «на лен и коноплю») катаются с высоких ледяных гор на санках» или на донце пряхки. Катание с ледяных гор длится всю зиму, но наиболее подходящим временем считается время Масленицы.

И наконец, «у севернорусских существует особый вид катания с гор: у косогора или оврага ставят наклонно два параллельных друг другу гладких шеста и, держась за руки, съезжают по ним вниз».

Катание яиц — игра, приуроченная к весенним праздникам (между Пасхой и Троицей). Как пишет Д. К. Зеленин: «это магическое оплодотворение земли и символ созревания семян, которые подобны яйцам. Яйца катают по земле, по наклонной плоскости. Выигрывает тот, чье яйцо прокатится дальше; те чужие яйца, которые катящееся яйцо при этом заденет, переходят к игроку, бросившему это яйцо».

Мужские весенние игры: городки, свайка, лапта.

КУПАЛА (Ярилин день)

Историко-культурологическая справка

Купала или Иванов день был одним из древнейших дохристианских праздников, торжественно отмечавшийся практически у всех народов Европы. Связанный с летним солнцестоянием, он делил год еще в ведическую (а вероятнее всего и в индоевропейскую) пору на две половины, о которых в Махабхарате говорится:

«Божественные день-ночь (сутки) — это год,

Он также делится на две части:

Ночь — это путь (солнца) на юг, день — это путь на север».

Б. Л. Смирнов, комментируя этот текст, пишет: «время движения Солнца на юг считается темной половиной года; умерший в это время подлежит возврату. Движение Солнца к северу (от зимнего до летнего солнцестояния) «светлой половиной», умерший в это время не возвращается». Причем, согласно идее трех начал — святости, страстности и злобы (незнания), соответственно светлой, красной и темной карме, люди разделялись в своих посмертных судьбах:

«Темные направляются в преисподнюю,

Красные (раджас) — к человеческому (существованию),

Светлые в мир богов уходят, причастные счастливой доле.

В силу исключительной злобности (они)

Попадают в звериные лона,

В силу праведных-неправедных (дел) — в человеческие,

А в силу праведных — в божеские (лона)».

Исходя из этого текста, можно предположить, что именно в Ивановскую (купальскую) ночь, когда Солнце поворачивало на юг и начиналась «Ночь богов», после обрядов очищения водой и огнем, как бы «включался» процесс возвращения на землю тех душ, которые «в силу праведных-неправедных дел», совершенных в прошлой своей жизни, должны вернуться на землю в человеческом облике. Излившись дождем или росой, они приходят вновь в мир людей в облике новорожденных младенцев. Вспомним средневековое русское поучение: «То ти не Род, седя на воздухе мечет на землю груды (дождь, росу — С. Ж.) и в том рождаются дети» и ведическое представление о том, что «путь предков ведет умершего на Луну, откуда он изливается дождем или росой и вновь рождается здесь». Наши далекие предки были убеждены, что «из навей (мертвых — С. Ж.) нас дети емлют», то есть из мира мертвых мы возвращаемся в этот

мир детьми. Не случайно в Вологодской губернии еще в начале XX века на Иванов день собирали и пили **росу**. Травы, собранные в купальскую ночь, должны были приносить здоровье и жизненную силу, способствовать зачатию и рождению здорового потомства. М. Забылин писал о том, что накануне Ивана Купала все северные народы отмечали праздник Росы, «так как почитание богини Ладо было у всех общее». Прусское Лаго, латвийское Лиго, русская Лада и индоиранский праздник «Ли́ла» — все связаны с идеей продолжения рода, увеличения репродуктивной силы Земли и людей. Души возвращались на землю дождем и росой и необходимо было дать им новую плоть, зачать новые живые существа. Н. Р. Гусева особо отмечает, что в языках индоиранской группы слово «ли́ла» (как и слово «лелья», «лела», означающие «прижимание», «возбужденный(ая), движущийся(ая) туда-сюда») образуется от глагола «ли» со значениями «плотно прижиматься, ложиться, растворяться, погружаться». Они могут быть сопоставлены со славянским Лелем и посвященными ему хороводными любовными играми». Д. К. Зеленин, говоря о празднике Ивана Купала, подчеркивает, что «в древности с этим периодом совпадал свадебный сезон, то есть время заключения браков — разумеется не в нашем понимании, не индивидуальных браков, а «игрищ в селениях». И он же отмечает, что «огонь, через который прыгает молодежь — это не только средство очищения, но и оберег; предпочтение, которое оказывают при этом **соломе** и разному старью, как **топливу для таких костров**, может свидетельствовать о том, что к **огню приглашают умерших предков**, хотя никаких других данных в пользу этого предположения нет. Свободу нравов среди молодежи, столь характерную для Ивановой ночи, следует рассматривать как пережиток древнего брачного периода. Этот мотив выступает в обрядовых песнях:

«Хто не приїде на Купала дивиця,
Той не буде до вику жениця!»

Еще раз подчеркиваем, что день Ивана Купала приходился на день летнего **солнцеворота**, отмечавшего у древних индоевропейцев начало «ночи богов». В этом празднике поклонение солнцу, огню, воде и деревьям проявлялось с наибольшей силой. Вот что писал о нем автор XVI века: «... с вечера собирается простая чадь обоюго пола и соплетают себе венцы из ядомого зелия или кореня и перепоясавшися былием возгнетают огонь; инде же поставляют зеленую ветвь и, емшися за руце около, обращаются окрест оногю огня поющие свои песни, переплетающие Купалом; потом через оный огонь перескакуют... Егда бо придет самый праздник Рождество предтечево, тогда в святую ту Нощь мало не весь град возмьется, и в селах возбесяти в бубны, и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и

плясанием, женам же и девам их главами киванием и устнами их неприязненным кличь, вся скверные бесовские песни, а хребтом их вихляние и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем и отроком великое падение, ту же есть и на женское и девичье шатание».

Поскольку Купала был днем, «знаменовавшимся браками», то молодежь как бы приобщалась к огню во всех его ипостасях: и в образе солнца, и в образе дерева, и в образе костра, и в образе воды. В Махабхарате говорится о том, что когда бог грозы Рудра вселился в Огонь, то часть его семени упала на *гору*, другая *в воду*, третья попала *в лучи Солнца*, четвертая на *землю* и пятая в *деревья*. В эпосе утверждается, что «этих пять нужно почитать лучшими цветами тем, кто богатств желает. Нужно оказывать им (то есть горам, воде, солнцу, земле и деревьям) почтение и ради успокоения болезней... Им должны поклоняться здесь те, что желают блага своим детям». На Русском Севере именно в Иванов день начинали купаться, а в Пинежском районе Архангельской области (д. Красное) девушки купались голыми. Существовал обычай купаться или кататься в *Ивановой рося*.

В этот день добывали «живой огонь» *трением двух кусков дерева друг о друга*. В Никольском уезде Вологодской губернии *старики* добывали огонь при помощи *березовой чаги*. В нее вставляли край палки, вращением которой получали огонь. В. К. Соколова отмечает, что по белорусской традиции во время купальской ночи «на игрище за огнем приходила самая древняя старуха; как только она брала огонь, ее прогоняли и хлестали польнюю». В связи с принятым в Никольском уезде Вологодской губернии способом добычи «живого огня» на Ивана Купала, стоит вспомнить, что в индийской традиции Рудра (воплотившийся в огонь и являющийся одной из ипостасей Неба-Варуны, то есть Деда Мороза) — созидатель жизни и в этом качестве «он предстает не в виде человека, а в форме фаллоса, который называется «шивалингам». Шивалингам изображается, как правило, в сочетании с «йони» — кольцом у его основания, символизирующим женское начало — шакти, стимулирующее пробуждение творческого мужского начала. По сути дела, название «шивалингам» относится именно к этому сочетанию, фиксирующему в себе обширную область индусской философии, трактующую вопросы возникновения материи, мира, жизни, на земле и проявления созидательной энергии», — пишет Н. Р. Гусева. В этом способе получения «живого огня», который использовали старики в Никольском уезде, мы фактически видим тот же «шивалингам» (деревянный стержень /и «йони»/ березовая чага), что и в индийском варианте.

«Живым огнем» поджигали купальские костры. Молодежь прыгала через них, часто парами. Считалось, что если при этом они не разомкнут рук, то поженятся. В купальских кострах иногда сжигали сухие сучья и траву, освященную на Троицу. Костры часто жгли на меже, вблизи поспевающей ржи или на

берегу реки. Во время танцев вокруг костров образовывали магический круг, защищая себя от нечисти. Иногда делали чучело, водили вокруг него хоровод, и с ним в обнимку перепрыгивали через костер. А затем это чучело (часто наряженную березку) жгли «с песнями плачевными, за коими следовала попойка». Иногда Купалу представлял большой кол, вбитый в землю, обложенный соломой, со снопом наверху. В сумерки его поджигали. В Белоруссии через такой костер прыгали только *молодые холостые парни*.

Н. Р. Гусева, в связи с праздником Купалы, пишет следующее: «Бога-Солнце славяне одаривали разными именами: Купала, Ярило, Хорс. Обращаясь к индо-арийским языкам, мы встречаемся с такими возможностями истолкования значения этих имен:

а) Купала происходит не от славянского корня «куп» — (купаться), а состоит из двух слов — «ку», что значит на санскрите «земля», и «пала» — «податель даров», «охранитель» и в таком толковании имя Купала больше соответствует сущности бога Солнца. Обряд священных омовений связан с культом солнца очень тесно: и в современной, и в древней Индии воду возливают на алтарь с изображением бога — Солнца, в воду входят, встречая восход солнца. Вполне возможно, что эти обряды уходят в глубокую древность, равно как и обряды культа плодородия, неотделимые в сознании людей от представлений об оплодотворяющей силе солнца.

б) В основе имени «Ярил(а)» лежит корень «яр», который в ряде индоарийских языков и сегодня образует слова, означающие ярость, страстность, любовное иступление или горение. (В языке Авесты слово «яр» связано также с понятием «год» — С. Ж.). Все эти понятия без труда также связываются в нашем сознании с образом Солнца, особенно весеннего Солнца, и с представлениями, роднящими страсть с яростью и яркостью. Имя — эпитет Ярило является одним из самых впечатляющих и поэтических имен Солнца в наших народных песнях и преданиях.

И, наконец: в имени Хорс можно найти соответствие в санскритском слове «харос» («хара»), которое означает «огонь», «пламя», «наполненность энергией» и употребляется в Индии вплоть до наших дней в качестве синонима самого понятия «бог».

В. К. Соколова также сопоставляет с Купалой Ярилин день. Она отмечает, что: «В Костроме в петровское заговенье хоронили чучело Ярилы с ярко выраженными мужскими атрибутами». Во Владимирской губернии празднества в честь Ярилы проходили в XIX веке повсеместно в заговенье перед петровским постом. В рощу около Шуи приходили не только из города, но и из более чем двадцати деревень. На празднике Ярилы в Тавдинском уезде после обеда «все шли на берег реки или озера, женщины несли котелки с яйцами; на берегу раз-

водили костры и варили яйца, их обычно красили луковыми перьями. Парни и девушки купались, потом брали по яйцу и катали их; мужчины и женщины ходили от костра к костру и угощались. После захода солнца все, молодые и старые, раздевались и купались. Затем взрослые возвращались домой, а молодежь гуляла всю ночь; наевшись, бросались оставшимися яйцами (причем, этому бросанию, — замечает В. А. Городцов, — придается какой-то таинственный и непристойный смысл)... И. М. Снегирев отмечал, что «Иван Купала... между чернью назывался Ярилов день в Ярославской, Тверской и Казанских губерниях». В. К. Соколова пишет: «Можно почти с полной уверенностью поставить знак равенства между Купалой и Ярилой», что полностью соответствует вышеприведенным словам Н. Р. Гусевой. Отметим также, что в купальской обрядности присутствовал такой архаический элемент, как обход дворов с припевом «Виноградий». Словцы ходили большими артелями до тридцати человек *во главе с пожилыми мужиками*. Содержание этих песен то же, что и зимних и весенних колядок. Они были одинаковы во всех календарных обходах со дня зимнего (22 декабря) до летнего (22 июня) солнцеворота, то есть на протяжении всего «Дня Богов», когда солнце «шло на север».

Таким образом, можно констатировать, что купальская обрядность тесно связана с культом Солнца, огня, воды и плодородия. Имеет смысл вспомнить, что в апокрифе XII—XIII веков говорится о славянах, «устроивших» себе каменное изваяние «Трояна Харса Велеса Перуна». (Запятые в текстах тогда, как известно, не ставили). Смысл этого сообщения можно понять, как перечисление трех ипостасей Бога Трояна (трехликого, трехсоставного). Он Харс, что на санскрите означает «огонь», «пламя», «наполненность энергией». Н. Р. Гусева подчеркивает, что в Индии это слово является «синонимом самого понятия «бог». Он Велес, что значит Владыка. Он Владыка Молний — перунов. В Ригведе аналог Трояна-Варуна прославляется, как «давший солнцу ноги», «торящий дороги солнца», «протолкнувший солнце на небо». В древнеиранской Авесте еще один аналог Трояна Ахура Мазда (Господь Премудрый) говорит о Солнце: «Я сотворил его — столь же достойным почитания и поклонения, как я сам», а Митра — Солнце, обращаясь к Ахура Мазде, называет его «небесным, святейшим, творцом мира, чистым». В русской летописи XII века говорится о том, что «... сего ради прозваша и бог Сварогъ... и по сем царствава сынъ его именовъ Солнце... царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбог». Древнерусский Сварог — отец Солнца (как и Варуна, и Ахура Мазда) — это Бог Неба, Верховный Бог Творец, ведь Сварга (*svarga*) на санскрите буквально значит «небо». И здесь уместно вспомнить, что «по представлению русских поселян солнце есть огонь, *поддерживаемый Дедом*... По произволу *Деда* начинается день и наступает ночь». *Дедом* величали Бога Неба. Но его же звали Сварогом и, судя по всему, именно это имя мог носить в древности наш Дед Мороз.

Ранее уже отмечалось, что в древнеиндоевропейской традиции год делился на 3 четырехмесячных сезона и второе четырехмесячье, начинавшееся с летнего солнцеворота — 22 июня, находилось под покровительством Савитри, то есть женской ипостаси бога Савитара. Савитар (*Savitar* — буквально «порождающий») отец бога Солнца (Сурьи). Он торопит Солнце, которое подчиняется ему. Универсальное определение Савитара — «золотой», его называют «господином творенья и господином мира», он «охватывает *тройное* воздушное и небесное пространство, приводит в движение *три неба, три земли*, охраняет людей *тремя обетами*». Савитар, как образ восходящего и заходящего солнца, является одним из аспектов Варуны — аналога восточнославянского Деда Мороза. Покровительница четырех летних месяцев Савитри — «спасительница», *женская ипостась Савитара*. Таким образом, период, начинающийся «поворотом солнца на юг» — лето северных широт, охраняют две ипостаси бога Творца — мужская и женская. Именно они стоят в центре праздника Купала — это всем известные Иван да Марья. В Песнях Купалы поется о том, как Иван звал Марью идти в поле, чтобы стеречь хлеб, беречь коров, жечь ведьм, замыкать им зубы. Песни рассказывают о праздничном купанье: «где Иван купался — берег колыхался, где Марья купалась — трава расстилалась». Цветок Иван-да-Марья состоит из двух красок — синей и желтой. Мы знаем, что желтый цвет символ света, золота, солнца, а синий — ночи, воды, тайных знаний. Именно цветы Ивана-да-Марьи вплетали в купальские венки, приносили в дома, втыкали в веники, которыми парились только на Купалу. Поэтические баллады купальского цикла рассказывают о том, что родные брат и сестра, разлученные в детстве, встретились и поженились, не узнав друг друга. И за этот кровосмесительный брак они превратились в цветок. Однако этот простой, хотя и трагический, сюжет на поверку оказывается совсем не простым. Когда мы говорили об одном из прообразов Деда Мороза в древней восточнославянской мифологии, мы отмечали образ Владыки Вселенной Рода. Заметим, что в санскрите «родас» это небо и земля, то есть Вселенная. На Ивана Купала, при сборе купальских целительных трав, на Русском Севере еще в начале XX века женщины приговаривали:

«Небо — тетья, Земля — мати!
Помоги траву брати!»

Род — аналог общеиндоевропейского бога неба Варуны и древнеиранского Ахура Мазды. Но среди божеств из других мифологических систем, которых автор средневекового поучения против язычества считает сопоставимыми с

Родом, назван древнегреческий Аполлон. Отметим, что русский автор называет его Артемидом. Кто же такой бог Аполлон — аналог древнерусского бога Рода, а значит и нашего Деда Мороза. В греческой мифологии он сын Зевса и **Лето, брат-близнец Артемиды**. Лингвисты считают, что «данные греческого языка не позволяют раскрыть этимологию имени Аполлона». Он «стреловец, губитель, прорицатель, блюститель гармонии космической и человеческой, соединяющий воедино небо, землю и преисподнюю». Но наряду с губительными действиями Аполлону присущи и целительные — он врач, защитник от болезней. И, наконец, — он пастух. (То есть ему присущи все атрибуты и Рода, и Варуны). Но при том, что в древнегреческой мифологии он сын Зевса, Аполлон **не имеет отчества** и его зовут по имени родившей его и Артемиду матери **Лето — Летоид**. Исследователи отмечают, что «на более поздней стадии архаики он — демон смерти, убийства, даже оскверненных ритуалом человеческих жертвоприношений, но он и целитель, отвратитель бед». Его сестра — близнец Артемиды, дочь **Лето**. Это грозная богиня, вооруженная **луком и стрелами**, она следит за исполнением издавна установленных обычаев, упорядочивающих животный и растительный мир. Святилища Артемиды часто находились вблизи источников болот. В Малой Азии, в знаменитом Эфесском храме, почиталось изображение Артемиды Многогрудой — Великой Матери. В этом своем качестве она помогает роженицам (только появившись на свет, она помогает матери принять родившегося вслед за ней Аполлона). И, наконец, «древнее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, отсюда ее близость к колдовским чарам богини луны Селены». Говоря о близнецах брате и сестре Аполлоне и Артемиде, детях **Лето**, не стоит забывать, что Аполлона называли еще и Гиперборейским, то есть **северным богом**, что летом он улетал на **лебедях** на свою **родину**, к берегам Кронийского или Скифского океана, то есть на побережья Белого и Баренцева морей! Что именно у **Северного Полюса** помещали древнейшие мифы храм Аполлона. Стоит также вспомнить, что негреческое имя Аполло и Аполлон весьма близко к Купало (Купало и Купалон). Во всяком случае, у нас более чем достаточно оснований, чтобы связать образы Аполлона и Артемиды (Артемиды и Артемиды Летоидов) с праздником летнего солнцестояния восточных славян и цветком Ивана-да-Марья, символом дня Купалы. Золото солнечного света и синий мрак ночи, жизнь и смерть, возрождение к новой жизни как неизбежность нового ухода — все это слилось в обрядах Купалы — порубежья Дня и Ночи богов. Таким образом, ведические Савитар и Савитри, древнегреческие Аполлон и Артемиды и русские Иван-да-Марья — образы одного круга — мужская и женская ипостаси Творца, включающие в купальскую ночь вечный процесс перетекания смерти в жизнь. В том, что в основе понимания символики незамысловатого, казалось бы, цветка лежит такая громадная историческая глубина, не приходится

сомневаться. Это один из тех многочисленных примеров в русской народной традиции, «когда мифологический образ сохраняется в своем архаическом состоянии, не подвергаясь сколько-нибудь значительным трансформациям, даже в современной фольклорной традиции».

А. С. Фаминцын, отмечая, что в северовеликорусской традиции наименование **Ярило** идентично **Купале**, проводят параллели между ними и «богом женитьбы и веселия «Лад»». В напевах Купалы (и Ярилины Дня) звучат слова:

- Ой Дид Лад!
- Ой Дид и Лад!

А. С. Фаминцын отмечал наличие замещения в слове «дид» буквы «и» буквой «е», и подчеркивал, что **такое замещение встречается в великорусских песнях**. (То есть, мы имеем дело с понятием «Дед Лад»). Он же указывал на то, что «Лад сближается с Туром. Припев в песне о Туре «удалом молодце» в одном из вариантов своих отождествляет оба божества: «Ой, Тур, Дид Лад!» Здесь Тур прямо называется «Великим Ладом». Это сближение и сплетение в народном языке названий Тур, Лад, Ярило, Хорс... показывает, что все они служат к обозначению разных сторон одного светлого, благодетельного, плодоносного божества». А. С. Фаминцын, говоря об основных чертах «Ярилины дня» или «Ивана Купала», подчеркивает, что наряду с мужским божеством «и даже предпочтительно, чествуется божество **женского пола**, именно Купала, Купалка или Марена, причем и многие из этих обрядов исполняются женщинами». И здесь он считает возможным провести параллели между купальскими обрядами и теми, которые совершались в день летнего солнцестояния у горы Соракты в честь великой богини Феронии и Аполлона Соранского. Об этих обрядах Страбон и Вергилий говорят следующее: «**вдохновленные богиней** шествуют невредимо босыми ногами **по кучам пылающих огней и пепла**, и сюда стекаются **многочисленные толпы народа**, как ради этого ежегодного народного торжества, так и ради упомянутого зрелища» и «Высший из богов, ты, которого мы прежде всех призываем, которому возжигаем костры из соснового дерева, ради которого мы, служащие тебе, в уповании на благочестие, твердо **ступаем через огонь по пылающим угольям!**» Он пишет далее: «Эти древние свидетельства о почитании возжжением костров и прочими обрядами Феронии, совпадают с приведенными выше свидетельствами о нашем купальском торжестве. Должно ли считать простой случайностью, что непосредственно за Ивановым днем (24 июня) у нас празднуется, носящая сходное с Феронией имя, св. Феврония (25 июня)? В Великой Руси св. Аграфена, чествуемая 23 июня, получила в народе прозвище «Купальница». Вспомним, в связи с богиней Феронией, что сестра-близнец Аполлона Ар-

темида на Аттике в Бравроне почиталась как *медведица*. Жрицы Артемиды Бравронии надевали в ритуальном танце медвежьи шкуры и назывались «медведицами». В Великой Руси существовал обряд, когда на *Ивана Купала* до восхода солнца нужно было пронести через стадо *медвежьей головой*, а затем зарыть ее посреди двора. Считалось, что тогда среди скота не будет падежа. А так как именинником в Иванов день был сам Владыка Вод, то его звериная ипостась — медведь заслуживал самого серьезного поклонения. Встреча с медведем в это день — к добру. Особенно подчеркнем, что в русских обрядах «медведь, как и Никола, повсеместно выступает в функции покровителя скота», что при падеже скота могут носить вокруг деревни медвежьей голову или икону св. Власия, который (как и Никола) соотносится с Велесом (а значит и с Родом, Трояном, Варуной и Аполлоном). Кроме того, в связи с брачной обрядностью Купалы, вспомним, что «названия *медведь и медведица* в восточнославянском свадебном обряде в первую очередь характерны для жениха и невесты или же для новобрачных». Но медведь — одно из воплощений Деда Мороза, которому, как мы знаем, свойственно оборотничество. Так считалось, что до Спиридонова дня (25 декабря) «Зима ходит в медвежьей шубе», что она длится по медвежьему хотению: «Как на Спиридона — солнцеворота (25 декабря) повернется мишка в берлоге на другой бок, так и зиме половина до весны осталось». В индоевропейских, а особенно в восточнославянской и балтской мифологических традициях, медведю дается табуистическое наименование «дед», «дедушка», «старик». Вспомним, что до недавнего времени такие формы обращения к живым людям категорически запрещались и понятия «дед», «дедушка» связывались *только с предком, прародителем*. Будучи связанным в мифологии и ритуале с древним восточнославянским богом — Владыкой Неба — Велесом (а значит и с Варуной, Ураном, Родом, Трояном, Ахура Маздой) — прообразом Деда Мороза, медведь выступает как умирающее и воскресающее божество, предок, родоначальник, дух-хранитель и хозяин мира мертвых. Таким образом, медвежий культ богини — сестры Аполлона Артемиды Бравронии, связанный с летним солнцестоянием, хорошо соотносится с нашими купальскими обрядами.

Пляски на раскаленных углях и прыжки через огонь, посвященные в день летнего солнцеворота близнецам Аполлону и Артемиде, ничем не противоречат восточнославянской купальской обрядности с символикой Ивана-да-Марьи, Купало и Купалы, Ладо и Лады и т.д. Идея близнечности буквально пронизывает индоевропейскую мифологию, что неоднократно отмечалось исследователями. Культ близнецов в ней связан с символикой плодородия и со священным мировым деревом.

Иван Купала действительно праздник СОХРАНЕНИЯ, в отличие от весенних праздников СОЗИДАНИЯ. Им начинается *Лето*. И на Масленицу, и на

Троицу (и на 1 мая) предки приглашаются и приходят как гости (ряженные) на короткий срок дня (14 дней) или суток (28 дней) *своего мира*. На Ивана Купала начинается возвращение душ умерших на новую человеческую жизнь. Души падают с неба дождем или росой, а потом вновь рождаются детьми. Отсюда идет обычай, когда *бесплодные женщины* накануне Купалы (в день Росы) катались по росе, обнажив нижнюю часть тела. «Из навей (то есть мертвых — С. Ж.) нас дети емлют», — считали наши предки, выражая свои представления об извечном переходе от жизни к смерти и от смерти к жизни, о нескончаемой цепи перевоплощений. В их представлениях о жизни душ умерших в потустороннем мире и возвращении на землю в различных обличьях, совершеннейший из которых — *возвращение в свой род новорожденным*, огромную роль играло священное дерево вечности. Оно было посредником во взаимосвязях миров. По представлениям индоарьев это «вечное дерево называется бессмертным, в нем покоятся все миры». Именно с таким деревом приходит к людям зимой Дед Мороз. Именно такое дерево соединяет мир живых и мир мертвых на Масленицу и Троицу (и 1 мая — майское дерево). Оно присутствует и в обрядах Купалы. Судя по всему, в этот период ритуальных свадеб обряды на Русском Севере совершались у хвойного дерева *ели*. Об этом языческом бракосочетании напоминает пословица: «Венчали вокруг ели, а черти пели».

Представление об изначальной двуполости верховного творящего божества и о его связи с деревом прослеживается еще в ведическом тексте, где спрашивается: «Что был за лес и что за дерево, из которого вытесали небо и землю?» А также в гимне богу Огня, где говорится о двух началах — мужском и женском, являющихся в то же время двумя кусками дерева, трением которых друг о друга получается священный огонь. Получение такого «священного огня» — один из кульминационных моментов Ярилина дня или Купалы. В этот день, отмечающий начало лета и «ночи богов», когда включался процесс возвращения умерших в мир живых людей в образах новорожденных детей, Верховное творящее начало должно было выступать непременно в двух своих ипостасях — *мужской и женской*, участвующих в процессе воспроизводства.

По окончании этого обрядового цикла начинался новый этап — «свертывание» этих противоположных ипостасей в единый нерасчлененный образ Творца-первопредка, соединяющего в себе Отца и Мать, Небо и Землю — Рода Велеса Трояна. Эти особенности построения древнейших мифологических систем были отмечены Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, которые подчеркивают, что в процессе исторического бытия мифа «ипостаси единого персонажа, расположенные на разных уровнях мировой организации, стали восприниматься как различные образы» и «появление персонажей-двойников — результат дробления мифологического образа, в ходе чего различные *имена* Единого становятся различными *лицами*». Вывод из этого: «Все разнообразие социальных

ролей в реальной жизни на уровне мифологического кода свертывалось в идеальном случае *в единственного персонажа*. Такие свойства, которые в не мифологическом тексте выступают как контрастные и взаимоисключающие, воплощаясь во враждебных персонажах, *в пределах мифа могут отождествляться в едином амбивалентном образе*. Именно в таком «едином образе» предстоит встретиться со своими потомками «Ивану-да-Марье», «Купало и Купале», «Ладо и Ладе», «Аполлону и Артемиде» летнего солнцеворота в новый период года — период «Разрушения», то есть зимой. И здесь они предстанут перед нами вновь в образе Высшего божества как олицетворения небесной звездной тверди, ночного бескрайнего Неба и всех Вод-Варуны-Урана или Деда Мороза. Владыка вечных космических законов, он будет снова воссоздавать мир, судить и награждать людей и дарить им новое время жизни — Новый год.

Таким образом, для проведения мероприятий праздника летнего солнцестояния «Ивана Купала» (или «Ярилина дня») необходимы:

1. Площадки для выступлений коллективов на берегу реки (озера или другого водоема).
2. Площадки для купальских костров (не менее 4-х).
3. Противопожарная техника.
4. Ритуальное хвойное дерево (одно или три — ель, сосна, для вождения хороводов).
5. Палатки для продажи сувениров.
6. Торговые точки для продажи пива, пирогов, пряников, варки ритуальной каши (ячменной, овсяной, пшеничной), варки и крашения яиц.
7. Венки и ветки полыни, цветы Иван-да-Марья в большом количестве (для всех участников праздника). Выяснить возможность искусственного разведения.

Сувенирная продукция на «Купалу» ОБЯЗАТЕЛЬНО должна включать:

1. Ритуальные орнаментированные полотенца (основные орнаментальные мотивы — косые кресты, меандр, ромб с крючками);
2. Тканые пояса (орнаментальные мотивы те же);
3. Столешники (орнаментальные мотивы те же);
4. Деревянная утварь (ковши, солоницы-угицы, ложки расписные и резные);
5. Деревянные, керамические, фарфоровые расписные яйца;
6. (Возможны березовые венки с включением листьев папоротника, цветов Иван-да-Марья и веток полыни).

НА ПРАЗДНИКЕ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ КРЕПКИЕ АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ (СОДЕРЖАЩИЕ БОЛЕЕ 11% АЛКОГОЛЯ).

Среди обрядов праздника Ивана Купала может быть восстановлен древний обряд **«опоясывания»** льняным поясом (орнаментированным) или льняным жгутом каждого участника праздника самим Купалой. Это делается на счастье, здоровье, долголетие и сопровождается поднесением обязательной чарки пива или меда, разбавленного водой. В идеальном варианте чарок должно быть *три* — «за отца, деда и *прадеда*».

Облик «Ярило» или «Купало» отличается от Деда Мороза. Это зрелый мужчина высокого роста с рыжими (огненными) волосами и такой же бородой. На голове золотой обруч, увитый цветами, среди которых обязательны: Иван-да-Марья, полынь, папоротник, водяная лилия или кувшинка, купальница. Купало одет в белую длинную рубаху с красным тканым орнаментом по подолу, груди, плечам, вороту и рукавам. На груди золотая гривна (возможно введение стразов желтого и фиолетового цветов). На плечах алый плащ (или золотой), расшитый золотыми восьмилучевыми звездами. На ногах красные, шитые золотом сапоги. В руках золотой, увитый зеленью и цветами посох.

Помимо мужского персонажа **Купало**, возможен также и женский персонаж **Купала**. Это русоволосая девушка, высокая, стройная. Одета в белую длинную, орнаментированную красными браными проставками рубаху, передник-занавеску, сплошь затканый орнаментом или сюжетными трехчастными композициями архаического типа. На голове восьмилучевой венец, увитый цветами. Набор цветов тот же, что и у Купало. На ногах красные сапожки. Цветовое решение плаща Купалы зависит от решения плаща мужского персонажа. **Если плащ Купало золотой, то у Купалы — темно-синий** (эффект цветка «Иван-да-Марья», то есть ночь и день, солнце и луна). Если Купало одет в красный плащ с золотыми звездами, то Купала — в белый с серебряными восьмилучевыми звездами. **И Купало и Купала обязательно должны быть подпоясаны алыми орнаментированными поясами.** У него пояс на талии, у нее — под грудью (но под передником).

ТРИ СПАСА

Историко-культурологическая справка

Помимо «Ярилина дня» или «Купалы», в рамках программы «Троян», лето может проводиться также и августовский праздник, объединяющий все три так называемых «Спаса» — *медовый, яблочный и льняной*. В народной традиции они идут друг за другом с середины августа: Первый Спас (медовый) — 14 августа; Второй Спас (яблочный) — 19 августа; Третий Спас (житный или льняной) — 29 августа. Представляется возможным объединить все три праздника (19 августа — 20 августа) в единый праздник урожая «*Три Спаса*». Каждый из них семантически тесно связан с образом Деда Мороза — Трояна.

МЕДОВЫЙ СПАС (14 августа). В этот день впервые вырезали соты с медом. Медом святили воды в реках, а после водосвятия купали в реке детей. Рубашки, одетые на них до купания, бросали в реку, а детей одевали в новые, не стиранные рубахи. В этот же день святили колодцы, купали лошадей и полили их водой из посуды, в которую до этого опускали серебро (крестик, кольцо или серебряную монету).

Вот что пишет об этом выдающийся исследователь народной культуры С. В. Максимов (конец XIX века). «Первый Спас всюду называется «медовым», а кое-где и «мокрым». Названия эти произошли оттого, что к первому Спасу пчеляки второй раз подрезывают ульи с медом и, выбрав лучший липовый сот, несут в церковь «на помин родителей». К этому же дню варят «медяные» квасы и угощают всех, пришедших в гости. «Мокрым» же первый Спас называется потому, что, по установлению церкви, в этот день бывает крестный ход на реки и источники для водоосвящения. А так как крестьяне не только сами купаются после крестного хода, но и имеют обыкновение купать в реках и всю скотину, которая будто бы здоровеет после этого, то и неудивительно, что и самый праздник получил название «мокрого».

Ранее уже отмечалось, что в древнейшей индоевропейской мифологии Верховное Божество — Творец Вселенной тесно связан с медом. Так, скандинавский аналог общиндоевропейского Варуны (прообраза Деда Мороза) только после того, как испил «священного *меда* поэзии», постиг руны — средоточие высшего знания. В русской традиции Велес (св. Николай) также, как и скандинавский Один (Водан), связан с пчелами и медом. Пчел на Руси называли «Николиной милостью». Причем, как отмечает Б. А. Успенский, «соотнесенность Николы и *водяного* определяет восприятие Николы как покровителя пчело-

водства». Он приводит белорусскую ритуальную песню, в которой говорится, что Никола ходит по лесу и сажает *пчелиные рои*. В песне св. Николай сообщает, что:

- «- Я по полю ходзиу да росу росиу,
- Я по меже ходзиу, жито родзиу,
- Я по бору ходзиу, да рон садзиу».

Пчеловоды использовали заговоры с упоминанием имени Николы: «обращается моя пасека Николиною милостию, железным тыном, каменную стеною от земли до неба; покрывается моя пасека Николиной милостию, чужим пчелам чтобы пролету не было...» Б. А. Успенский отмечает, что «в Смоленской губернии «микольщина» называется «праздником свечи», и здесь наблюдается особый обычай «сучить свечу» на Николин день, когда после молитвы Николу едят сотовый мед, жуют соты и выплевывают в чашу с водой; из этого воска выходит затем мирская свеча Николу угоднику». Он же приводит старинные русские космологические представления, по которым первые пчелы отроились от лошади, *заезженной водяным дедом и брошенной в болото*. Отсюда: просьба к *водяному* об успешном размножении пчел, обычай ставить пасеку у реки, чтобы водяной охранял пчел. В некоторых местах в жертву водяному приносили лошадь, которую предварительно мазали *медом*. Вспомним, что прообраз Деда Мороза — общеиндоевропейский бог Неба Варуна — владыка Вод (то есть Водяной), что Дед Мороз зимой выступает именно как *Владыка Вод* во всех их проявлениях, и, наконец, что св. Николай заменил собой древнее божество Велеса-Волоса, а значит и Рода-Трояна-Варуну, то есть Деда Мороза.

Еще в гимнах Ригведы с медом связаны образы Неба и Творца:

«Мед (навевают) ветры благочестивому,
Мед струят реки,
Медовыми для нас да будут растения!
Медом пусть будет Небо — наш отец!»

Древнему арийскому тексту вторит русский народный заговор, записанный в конце XIX века в Вятской губернии: «На острове Буяне идет сам *Царь* с медовыми устами». Заметим, что в северорусских диалектах слова «буй, буян, буево» — это кладбище, погост и шире — «тот свет». В данном заговоре речь идет не о простом Царе, а о Царе Небесном или о «Небе — нашем отце». Вспомним приговор, с которым северорусские женщины в ночь на Ивана Купала собирали волшебные лечебные травы:

«Небо — тятя!
Земля — мати!»

В санскрите, языке древнеиндийской культуры, со словом «мадху» (мед) связаны такие понятия, как: сладкий, приятный, прелестный, нектар, молоко, святой, священный, пригодный для жертвоприношения, а также — мудрость, ум, разум, пронизательность, жизненный опыт и, наконец, опьяняющий, хмельной напиток. Исходя из вышесказанного, можно понять, почему в скандинавской мифологии бог Один (Водан) — аналог ведического Варуны и нашего Деда Мороза, сначала пьет *«священный мед поэзии»* и только после этого постигает руны — средоточие высшего космического знания. В.А. Васигин пишет в связи с древнеиндийскими домашними обрядами: «У индийцев мед в древности символизировал сущность жизни, бессмертие, он обладал будто бы оплодотворяющими способностями и поэтому его вместе с маслом лили в первую борозду».

Отношение к меду на Руси общеизвестно. Он был издавна традиционным продуктом экспорта, как, впрочем, и пчелиный воск. И сегодня наша страна — лидер в мире по производству меда. Что же касается «опьяняющего, хмельного напитка», то М. Забылин в 1880 году писал по этому вопросу следующее: «Мед делался встарь, как любимое русское питье весьма крепкий, до такой степени, что им упивались, как вином... Крепость опьянения меда сравнивалась с водкою... Меда были: вишневый, смородинный, можжевельный, оборный, приварный, красный, белый паточный, малиновый, черемуховый, старый, вешний, мед с гвоздикой, княжий и боярский. Для лучшего вкуса и цвета выжимали из зрелых вишен сок и подливали в мед. Нашим русским медам удивлялись иностранцы, так хорошо приготавливали его».

Именно мед, во всех своих вариациях, был главным продуктом питания и объектом поклонения в обрядах «Медового Спаса» (14 августа). Этот день знаменовал собой начало сбора урожая, независимо от того, что часть его уже была к тому времени собрана. Древние обрядовые жертвы медом и медовыми напитками должны были сделать все плоды земли и все воды рек сладкими для людей. Мед был символом и знаком Бога Неба — «Деда» и поэтому им кропили воду рек, прежде чем начинали купать в них детей. И здесь нам снова придется обратиться за разъяснениями смысла этого обряда к древнеиндийским традициям. Известно, что в обрядах «Медового Спаса» на Руси, перед купанием в освященной воде реки, детей раздевали, затем купали и одевали в новые, еще непошенные и не стиранные рубахи.

Как и в наши дни, раньше обучение детей грамоте начиналось после основных сельскохозяйственных работ — сбора урожая. Середина августа — время

подготовки к новому этапу жизни ребенка — *ученичеству*. Но вот что говорит об этом периоде, называемом в древнеиндийской традиции «упанаяна», то есть «посвящение в ученики», Р. Б. Пандей в «Древнеиндийских домашних обрядах»: «Церемония упанаяны восходит к глубокой древности. Соответствующий обряд парсов, называемый «навзат» (новое рождение), посредством которого дети парсов, и мальчики, и девочки, получают религиозное посвящение в возрасте шести лет и трех месяцев, показывает, что упанаяна (посвящение ребенка) возникла в тот период, когда предки индоариев и иранцев жили еще вместе», то есть на своей прародине в Восточной Европе. Детей начинали учить грамоте с 5-8 лет, причем, детей жрецов — весной, воинов — летом, а земледельцев и ремесленников — осенью. Перед тем, как стать учеником, ребенок проходил через *обряд омовения*, которое «очищало и тело, и душу совершающего обряд». После омовения ученику дарили *не стиранные белые одежды*, «символизирующие чистоту жизни». В обряде упанаяны вода, получаемая учеником из ладоней учителя, символизировала очищение и *напиток бессмертия* «амриту».

Сравним древнеиндийский обряд «посвящения в ученики», сложившийся, как считает Р. Б. Пандей, в глубокой древности у индоиранцев, то есть жителей севера Восточной Европы, с тем, что происходило в середине августа на «Медовый Спас» у нас в России еще в начале XX века. В этот день *медом* святили воду в реках, а после водосвятия купали в этих реках детей. Причем, после купания детей одевали *в новые не стиранные белые рубашки*, а старые пускали по воде. Заметим, что в подавляющем большинстве это были дети крестьян, которые, согласно древней традиции, должны были начинать учиться *осенью*. В середине августа они проходили *обряд омовения* в «медовых» реках, где мед ассоциировался с такими понятиями, как: мудрость, святость, разум, пронизательность и жизненный опыт. Кроме того, в древности он символизировал «сущность жизни, бессмертие и обладал оплодотворяющими способностями». И все это вместе связывалось с образом «Отца Неба». Вспомним снова древний ведический гимн:

«Мед (навевают) ветры благочестивому,
Мед струят реки,
Медовыми для нас да будут растения!
Медом пусть будет Небо — наш отец!»

Таким образом, русские дети еще на рубеже XIX—XX веков перед началом обучения купались в воде, насыщенной медом мудрости, святости, жизненной силы и дающей бессмертие. Вспомним, что в древнеиндийской традиции мальчики, получая воду из ладоней учителя, как бы вкушали «напиток бессмер-

тия», высшего знания и мудрости — «амриту». В русской традиции таким напитком были «медовые воды» рек. Как и в древнеиндийской обрядности упанаяны, у русских дети после омовения одевали *новые белые не стиранные рубахи*. Но, кроме того, именно в России сохранился обычай старую одежду, точнее ту, которую ребята снимали перед купанием на Медовый Спас, пускать по воде. Судя по всему, обычай этот чрезвычайно древний, так как отправление по водам всегда предполагает отправление в мир предков — «на тот свет». Предыдущий период жизни ребенка как бы уплывал вместе с его рубахой в другой мир, а на смену прежнему человеку рождался новый, готовый для насыщения мудростью, святостью, жизненным опытом. Это находит себе прямую аналогию в древнеарийском представлении о том, что упанаяна — «посвящение в ученики» — *это второе рождение*, откуда понятие «*дваждырожденные*», то есть родившиеся для знания.

Мед, как отмечалось ранее, связан с Велесом — аналогом Деда Мороза и «Деда Ладо» купальской обрядности. Именно он насыщает мед всеми теми особыми качествами, которые делали воды рек священными и наполняли их мудростью, знанием, жизненной силой. О связи обрядов «Медового Спаса» со световой солнечной ипостасью божества, с одной стороны, и с его мрачным хтоническим началом — с другой, свидетельствует то, что именно в этот день в «медовых» водах рек купали не только детей, но и *лошадей*. Известно, что в общиндоевропейской мифологической традиции конь — символ солнца и «того света» одновременно.

Стоит вспомнить, что, как отмечает Б. А. Успенский, «по русскому поверью пчелы первоначально отроились от лошади, *заезженной водяным Дедом*». О связи *Творца* и *меда* говорилось ранее. О том, что связь коня и воды (а точнее Владыки Вод — Деда) уходит в индоевропейской мифологии в глубины тысячелетий, свидетельствует один из древнейших гимнов Ригvedы «Восхваление коня», где говорится:

«Когда ты заржал впервые, рождаясь,
Вздымаясь из океана или первородного источника, — ... о скакун.
 Три у тебя, говорят, на небе привязи,
Три в водах, три в океане.
 А еще кажешься ты мне *подобным Варуне*
 (Там), где, говорят, твое высшее место рождения».

Но Варуна — древнейшее общиндоевропейское божество Вселенной, Неба и Владыка Всех Вод, как мы знаем, был прообразом нашего Деда Мороза (Велеса-Трояна-Рода). Как и другие летние праздники «Медовый Спас» это комплекс обрядов, связанных с функцией *сохранения, спасения*. Основной смысл

этого сохранения (спасения) в приобщении следующего поколения к сокровищам знаний их предков. Омывшись в «медовых водах» Деда (Варуны-Рода), дети должны быть готовы к осознанию всей полноты бытия, приобретению жизненного опыта, знаний. Знаменательно, что в этот день женщинам-матерям «прощались на небесах все их не замоленные грехи», так как считалось, что они свою функцию — родить и «довести до ума» — выполнили. Следующий этап — сделать из детей достойных членов общества — задача учителей.

Следующим праздником августовского цикла был **ЯБЛОЧНЫЙ СПАС**, праздновавшийся 19 августа. Он также целиком и полностью связан с идеей *сохранения* или *спасения*. В древности у индоевропейских народов яблоневый сад был символом вечной жизни-рая. Так, древнегреческая мифология сохранила память о чудесной яблоне с золотыми яблоками вечной юности, которая по велению матери-Земли Геи «выросла в далекой древней Гиперборее». У подножия этой яблони бил из недр земли ключ живой воды — воды бессмертия. Мы знаем, что Гиперборея древнегреческих мифов это территория севера Восточной Европы от 56-58° с.ш. до 69-70° с.ш., а Гиперборейские горы — широтные поднятия Русского Севера и прежде всего возвышенности Северные Увалы. Таким образом, древнегреческая мифология сохранила память об общеиндоевропейской прародине и тех мифологических представлениях, которые складывались на этой прародине в глубине тысячелетий. В русской народной традиции яблоня и яблоки занимают огромное место. Так, в народных сказках *яблоки* — *символ жизненной силы, красоты, молодости, счастья, удачи*. Это «молодильные», «живительные», «золотые яблоки». В таких представлениях нет ничего удивительного. Ведь даже сегодня половина мировых яблоневых садов находится в России. Заметим также, что именно плоды диких яблонь наиболее богаты витамином «С». Во время празднования Яблочного Спаса все начинали есть яблоки. До 19 августа женщины, у которых умирали дети, старались яблок не есть, так как считали, что тогда их детям «на том свете достанется яблочко». С яблоками были связаны представления о *нравственном* облике человека. Так, новорожденному ребенку клали в рот печеное яблоко, чтобы он не вырос пьяницей. Представление о яблоне, как некоем «древе жизни», настолько архаично, что оно сохранилось даже в мифологии калашей — жителей гор Гиндукуша (Афганистан), как отмечалось ранее, потомков первых индоевропейских иммигрантов на субконтиненте.

Так, К. Йеттмар пишет, что «к числу премудростей кафирской философии относится представление о биологической общности «люди» как огромном дереве и одновременно как существе женского рода», причем, это золотое дерево с золотыми плодами. О связи такого золотого дерева с *рожающей женщиной* говорит один из гимнов Ригvedы. Но это дерево связано не только с

жизненной силой, рождением, мудростью и красотой, плоды его дают *познавшие законов Вселенной*. О том, что древние арийские представления связывали мир умерших с золотым деревом — богиней Праматерью, вечно порождающей жизнь, свидетельствует один из гимнов Ригведы. Это разговор мальчика с умершим отцом, где говорится: «Под дерево с прекрасными листьями, где пирует с предками Яма (Бог смерти — С. Ж.), отец наш, глава рода, уходит от нас». Стоит вспомнить в связи с вышеперечисленным, что в известной русской народной сказке «Крошечка-Хаврошечка» из костей коровы, которая заменила девушке умершую мать, выросло дерево — яблоня с золотыми яблоками, которые решили судьбу девушки и принесли ей счастье. Заметим, что в этой сказке очень четко обозначена мысль — злой, коварный, бесчестный (то есть греховный) человек не может сорвать, а значит и вкусить плод с древа познания, каковым здесь является яблоня. В таком контексте понятно расположение обрядовых циклов в Трех Спасах.

1. Первый «Медовый Спас» — дети готовятся стать учениками. Они проходят священное омовение в насыщенных мудростью, знанием, жизненным опытом предыдущих поколений «медовых водах» и, пуская свои старые рубашки по воде, *прощаются со своим беззаботным детством*.

2. Во время «Яблочного Спаса» дети получают вместе с яблоками запас жизненных сил, *необходимых для приобщения к познанию*.

Уже в конце XIX века эта обрядовая сторона «Яблочного Спаса» оказалась настолько стертой, что крестьяне повсеместно считали этот день «праздником земных плодов». Вот что пишет о нем С. В. Максимов: «Второй Спас почти повсеместно называется «яблочным», так как с этого времени разрешается есть садовые плоды и огородные овощи. День этот крестьяне чтут, как очень большой праздник, но редко отдают себе отчет в истинном значении того события, которое вспоминает церковь 6 августа (по старому стилю — С. Ж.). Только кое-где второй Спас называется «Спасом на горе» (название, которое позволяет заключить о знакомстве со священным писанием), в большинстве же случаев крестьяне не знают, что такое Преображение Господне, и считают второй Спас просто праздником земных плодов. Сообразно с этим, в день 6 августа, вся паперть в приходских церквях бывает заставлена столами, на которых навалены горы гороха, картофеля, огурцов, репы, брюквы, ржи, ячменя, яблок и прочего. Все эти плоды урожая священник благословляет после обедни и читает над ними молитву, за что благодарные прихожане ссыпают ему в особые корзины, так называемые «начатки», то есть понемногу от каждого сорта приносенных плодов.

После освящения и благословения, крестьяне набожно осеняют себя крестом и разговляются яблоками: есть плоды до этого времени считается большим грехом и, если кому случится, по забывчивости или невоздержанию, по-

пробовать яблок раньше срока, то такой человек не должен есть их в течение сорока дней после Спаса, чтобы тем искупить свою вину. Особенно должны воздерживаться от преждевременного вкушения плодов те из крестьян, у которых умерли в младенческом возрасте дети, так как на том свете на серебряных деревьях растут золотые яблочки и эти яблочки раздаются только тем умершим детям, родители которых твердо помнят закон и строго воздерживаются от употребления плодов до второго Спаса».

Он пишет далее: «В некоторых местах, например, в Вельском уезде, Вологодской губернии, с днем Преображения Господня связывается особый обычай известный в народе под именем «столованья». На площади, перед церковью, ставят длинный ряд столов, покрывают их чистыми скатертями, и все деревенские хозяйки принимают на себя обязанность наполнить эти столы всевозможной снедью, которая и поедается прихожанами после обедни и крестного хода. В других уездах той же Вологодской губернии, сохранился обычай всеобщих разговин горохом: отслужив в поле молебен, крестьяне всем селом устремляются на гороховое поле и до самого вечера лакомятся зелеными стручками, не различая своей полосы от чужой. Эти гороховые разговины составляют истинный праздник и величайшее наслаждение для деревенской детворы, которая целый день ныряет в зеленых кустах и наедается до того, что под конец уже на животе переползает с полосы на полосу». Здесь стоит заметить, что в русской народной традиции отношение к гороху было особенное. Так, горох раскидывали по углам или бросали в печь *для душ умерших*, и считали, что души с плачем ходят по дому, в котором забыли этот обычай. Считалось, что тот, кто съест горох натошак, обретает сверхчеловеческие способности. Он, например, может сглазить кого-нибудь и т.д.

Всемирно известное выражение «при царе Горохе», то есть невероятно давно, также свидетельствует, что в глубокой древности горох играл большую роль в обрядности наших предков. И, судя по всему, был связан с ритуалами получения сакральных знаний и связанной с ними особой жизненной силы. То есть, вологодские «гороховые разговины» по сути своей ничем не отличаются от яблочного разговенья» и выполняют те же самые функции.

Последний третий праздник цикла — **«ЛЬНЯНОЙ»** (полотняный) или **«ЖИТНЫЙ СПАС»**, который отмечается 29 августа. В этот день женщины, катаясь по сжатой ниве, приговаривали: «Нивка, нивка, отдай мою силку: на пест, на колотила, на молотила, на кривое веретено!» Связанный с завершением уборки урожая, с предстоящим затем долгим процессом получения пряжи, холста, набора орнаментальных проставок — «священных текстов», этот праздник также целиком и полностью посвящен *сохранению*. Это сохранение урожая, сохранение жизненных сил, сохранение знания, запечатленного в

сакральных орнаментальных текстах. Третий Спас как бы окончательно разделяет судьбы детей — мальчиков и девочек. Первые пойдут учиться грамоте, вторые — рукоделию.

Известно, что у новорожденной девочки пуповину почти всегда перерезают *на прялке или веретене*, чтобы она стала *искусной пряхой*. У мальчика перерезают пуповину на колодке для плетения лаптей, а *иногда на книге*, дабы новорожденный вырос мастером своего дела или грамотным человеком.

Выдающийся исследователь русской культуры В. А. Городцов писал в 1926 году: «Шитью молодых девиц и знанию грамоты юношей придавалось одинаковое значение, и это мы поймем, когда убедимся, что в шитье девиц выражалось такое же важное для населения знание священных символов той старой, а поэтому дорогой веры, которою жил народ тысячи лет. Как весталки, чистые девы Рима, хранили негасимый огонь, символ обоготворенного небесного огня — солнца, так юные девы Русского Севера обязывались и обязываются нести и несут символы своего первобытного народного культа от древнейших времен до наших дней». Он же, говоря о северорусской вышивке и ткачестве, отмечал, что: «по отзывам вполне компетентных лиц, это в своем роде — лучшие произведения в мире». В северорусских (гиперборейских) диалектах до наших дней сохраняется слово «прастава, праставка», означающее орнаментальную полосу, украшающую одежду, полотенца, скатерти, свадебные простыни. Но на санскрите, языке древнеарийской культуры, слово «прастава» значит «священный гимн, мудрая речь». В связи с вышесказанным имеет смысл вспомнить древнюю легенду о божественном создателе и разрушителе Вселенной. Он дал согласие при помощи *мудрого ткача* открыть смертным божественную загадку космического танца. Мудрец должен был, не поднимая глаз на танцующего бога, только лишь с его слов, перенести танец на ткань в виде орнаментов. Выткав на станке семьдесят поз, ткач посмотрел вверх, и разгневанный бог прекратил свое откровение. Таким образом, можно сделать вывод, что еще пять тысячелетий назад, в индоевропейской древности, орнаментальное ткачество соединяло человека с божеством, несло в себе символику ритмов космоса или «божественного космического танца». Вспомним, что древнейший общиндоевропейский бог неба — Варуна (аналог нашего Деда Мороза) носил имя Праджапати, что буквально значит «Отец пряжи». Н. Р. Гусева отмечает, что есть свидетельства того, что в древнеарийской традиции рубашка, украшенная орнаментом, это *одеяние богов*. Так, в древнейших текстах заговоров Атхарваведы есть обращение к богам с просьбой облачить жертвователя в одеяние, в которое боги облачают друг друга и которое *дарует долголетие, власть, богатство и процветание*. Еще у ранних индоевропейцев волокону льна приписывались очистительные и отвращающие зло силы. В славянской традиции лен — священный, чистый, ритуальнозначимый материал. Де-

вочки, которым предстояло учиться прясть, ткать, вышивать (также как и мальчики) начинали после посвящения Трех Спасов изучать свою сложную науку — будущей женской жизни.

Таким образом, три праздника конца лета — времени «сохранения» — действительно *сохраняли и спасали* сложившуюся структуру общественных связей, сохраняли преемственность накопленных данным сообществом людей знаний, традиций, верований. «Три Спаса» — Медовый (14 августа), Яблочный (19 августа) и Льняной (29 августа) — это, в основном, комплекс обрядов посвящения детей, достигших возраста ученичества.

Местом проведения может быть как г. Великий Устюг, так и Вологда, точнее территория музея деревянного зодчества. Для праздника необходимо подготовить продажу меда, различных кулинарных изделий на меду, напитков на основе меда, яблук. Можно включать в стоимость путевки также стоимость льняной белой рубашки с традиционным орнаментом, в которую будет переодеваться ребенок после «посвящения в ученики». Купание можно заменить получением медового напитка из рук Деда Ладо (Купало) и какого-нибудь сувенира с эмблемой Великого Устюга — Родины Деда Мороза.

Подводя итог анализу праздников лета, связанных в древней индоевропейской традиции с понятием «*сохранение*», мы можем констатировать, что это два самостоятельных цикла. Первый «купальский» связан с летним солнцестоянием, началом брачных игр и идеей возвращения душ умерших на землю, в мир живых людей, в образах новорожденных детей.

Второй — августовский, объединяющий т. н. «Три Спаса» — Медовый, Яблочный, Льняной, связан с обрядом очищения и посвящения в ученики детей, достигших возраста ученичества 6—8 лет. Он также — праздник всех земных плодов, то есть наивысшего расцвета производительных сил Земли.

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Историко-культурологическая справка

Последним в *трехчастном* годовом круге — «трехсоставном колесе», был комплекс обрядов, связанных с понятием «Разрушение», которое предполагает возможность весеннего «Созидания» и летнего «Сохранения». Это зимние Святки и собственно Новый год. Завершая природный годовой цикл Троян-Купало предстает перед людьми в своей наивысшей ипостаси — Деда. В. Я. Пропп в своей работе «Русские аграрные праздники» отмечал, что «понять смысл отдельного праздника можно лишь тогда, когда будет изучен весь годовой цикл». Действительно, несмотря на различия, все древнейшие праздники годового цикла имеют общие черты — это поминовение предков, заклинательные песни, ритуальная еда и ритуализированное поведение.

Основной цикл зимних обрядов у русских был приурочен к зимнему солнцестоянию (солнцевороту), завершавшему «Ночь богов» и начинавшему «День богов», когда солнце поворачивало на север, то есть 22 декабря. В крестьянском быту Святки считались «самым большим, шумным и веселым праздником». Они начинались с Николина Дня (19–20 декабря по новому стилю) и длились до Крещения (19 января), то есть месяц. Здесь имеет смысл вспомнить, что термин *«Святки»* имеет началом понятие «святыя», то есть «предки», «родители» — те, кто живет в «световом» теле и приходит в этот мир *светом* из своего мира — *«того света»*. Этот приход предков из светлого мира вечности в наш суетный и переходящий ограничен одними сутками их мира (то есть 28 суток нашей жизни) или одним лунным месяцем. В течение этого времени «родители» должны помочь своим потомкам: наказать виновных, одарить достойных, предсказать судьбу и подготовить приход нового годового цикла. Но поскольку «святыя» не имеет земной плоти, то они заимствуют на время святок (одни сутки предков) тела своих потомков, души которых в то время посещают мир «родителей». Такое восприятие ряженных дошло практически до наших дней. Персонажами ряжения на Святки, как и на Масленицу, были «предки» (старцы, покойник), «нелюди», «чужаки» (нищие, побирушки), «высокие старухи». Л. Н. Виноградова подчеркивает, что ряженные (окрутники, кудесники, шуликоны, колядники, полазники и т. д.) и нищие являются теми ритуально значимыми лицами, при посредничестве которых можно связаться с миром умерших. Здесь стоит отметить, что русское слово *нищий* соотносится с древнеиндийским *nistyas*, что значит «чужой», «нездешний» и в целом аналогично понятию «ряженный». Л. Н. Виноградова считает, что «По видимому, можно разделить мнение ряда специалистов о том, что есть основания (в том числе и языковые свидетельства) предполагать, что нищие воспринимались как

заместители умерших, а щедрое их одаривание — как отголосок поминальных жертвоприношений». Для того, чтобы душа живого человека не осталась навсегда на «том свете» ряженные категорически запрещали называть себя по имени, узнавать себя. За нарушение запрета провинившегося «били смертным боем», так как считалось, что душа поименованного может не вернуться в его тело, занятое на время Святков кем-то из его предков. Такое положение могло принести общине неисчислимые бедствия, так как в дни Святков (и Масленицы) все жили по законам «перевернутого мира» — мира предков. Именно об этом свидетельствуют воспоминания стариков и старух, отмечавших, что ряженных называли *«дедами»*, что они *«ходили молча»* или *«выли по-собачьи»*, кланялись до земли, что их лица были вымазаны сажей, что они были не смешны, а вызывали уважение и страх, что их ждали в каждом доме и готовились к этой встрече. Но по окончании этих обрядовых циклов все возвращалось на свои места, и живые начинали жить по законам мира живых людей. Оставшаяся же в теле человека душа умершего продолжала бы жить по законам «того света», принося живым вред. Ряженные в русской традиции обязательно в Крещение, когда кончались Святки и, как правило, трещали самые лютые морозы, после освящения воды купались в проруби, возвращая «тому свету» душу предка, которому одалживали на время Святков свое тело. Сделать это было необходимо, так как с древнейших ведических времен считалось, что кратчайший путь души на небо, в обитель богов и предков, это погружение в речные или морские воды. Такие представления были еще живы в российской глубинке, в начале XX века. Даже в 1996 году в Псковской области старики помнили, что те, кто родился на Святки, в Рождество **обязательно должны были обливаться тремя ведрами колодезной воды**. Заметим, что «святы», то есть умершие, души которых на время Святков вселялись в тела их потомков — ряженных, в отличие от купальских дней, не подлежали реинкарнации, то есть возвращению в мир живых новорожденными детьми. Это были те, кто умер в «День богов», и, получив огненное световое тело, больше не обрел земной плоти. (Дождем или росой возвращались те, кто умер в «Ночь богов», и поэтому подлежал реинкарнации). Так, в одном из древних текстов Упанишад говорится: «Поистине, те, кто уходит из этого мира, все идут к Луне: благодаря их жизненным силам она растет в первую половину месяца и во вторую половину месяца заставляет их родиться (снова). Поистине, Луна — это врата небесного мира. Кто отвечает ей (должным образом), того она отпускает. Кто же не отвечает ей, тот, став дождем, проливается здесь дождем; тот снова рождается здесь...». Мы знаем, что именно Дед Мороз — Владыка Луны («солнца мертвых») и Владыка Вод. Поэтому все зимние обряды связаны с ним — Дедом, Творцом и Первопредком.

В народе считалось, что собственно зима начинается с 21 ноября, когда она кует морозы. А с 22 ноября морозы (холода) прилетают с железных гор. С 28

ноября уже не растаять выпавшему снегу и холод берет с этой поры такую силу, что уничтожает всю нечисть, очищая землю. Такая ритуальная чистота длится до Святков. Жизнь как бы замирает и погружается в Вечность. Святки будят ее и соединяют Мир Преходящий (наш мир) и Мир Непреходящий («тот свет») для соиздания Нового года. Поскольку образ Деда Мороза и исторические корни этого образа были рассмотрены ранее, мы здесь не будем повторяться и вновь возвращаться к этому вопросу. Остановимся на традиционной русской обрядности Святков.

Итак, на Святки у русских северных и северо-западных районов для ряжения использовали: вывороченные шубы, шапки, изорванную одежду, надевали маски, мазались сажей, лохматили волосы, старались выглядеть пострашнее. Иногда на голову клали подушку, закрытую сверху простыней, на которой «делали лицо». Среди зооморфных персонажей обычны: *медведь, корова, бык, конь, гусак, волки* (иногда это 2 парня, стоящие на четвереньках спинами друг к другу, связанные вместе и накрытые пологом. Сверху сажали гармониста). Как видно, все зооморфные персонажи святочного ряженья — ритуально значимые животные: медведь — зооморфный символ Деда Мороза; корова и бык — связаны с лунными культами и, опять же, с Дедом Морозом (Родом-Велесом-Варуной); конь — символ солнца и связующее звено между миром живых и миром предков; гусь — символ неба, души, познавшей истину, символ душ умерших, жертвователю (как помощник Бабы-Яги); волки (как и собаки) сопровождают душу на тот свет в индоевропейской обрядовой традиции еще со среднего каменного века — мезолита (IX—V тыс. до н.э.). Иногда среди ряженных встречаются «пчелы», о знаковой сущности которых и их связи с Владыкой Вод (то есть Дедом Морозом) говорилось в разделе «Медовый Спас». С символикой плодородия связаны ряженные «женихом и невестой», а также «беременной бабой». Ряженные колядовали. Этот обряд имеет много общего у славян, молдаван, румын и других индоевропейских народов. На Русском Севере колядки носили название *виноградье*. Основное содержание виноградий — пожелание здоровья и счастья хозяевам дома около которого пели. Обязательным было пожелание хорошего урожая. В виноградях хозяин сравнивался с месяцем, хозяйка — с солнцем, дети — с частыми звездочками. Эти формулы уходят корнями в индоевропейскую архаику, так как уже в ведическом свадебном гимне (II тыс. до н.э) жених-муж также назван месяцем, невеста-жена — солнцем. Колядовщики не просили подать им в благодарность за добрые пожелания, а требовали с угрозой:

«Наделите, не томите колядовщиков
Виноградье, красно-зеленое,
А кто нас наделит — тому сто коров доить,

Виноградье, красно-зеленое,
А кто нас не наделит — козу ялову доить,
Виноградье, красно-зеленое,
И тому век не жениться!»

Большую роль в святочной и новогодней обрядности играли хлеб, зерно и солома. Солома была еще в глубокой индоевропейской древности связана с многими ритуалами. Так, согласно ведическим предписаниям *умирающий должен был окончить жизнь на соломе*. Это же традиционно считалось необходимым у северорусских. В ведических текстах на жертвенную солому приглашали богов. На соломе принимали роды. И, наконец, через соломенную решетку процеживали ритуальный напиток — пиво. В древних арийских текстах солому называли «жирноспинной». У русских на Святки и Новый год солому стелили на полу в избе, иногда соломой застилали стол, а потом закрывали ее бранной скатертью — столешником. И только тогда на стол ставили праздничные кушанья. В Псковской губернии, например, на Рождество клали *ржаную солому*, на Новый год — *овсяную*, на Крещение — *ячневую*. Считалось, что на Новый год «самая богатая коляда», а на Крещение — «самая бедная». На вопрос, почему на Новый год постлали именно овсяную солому, старики еще в 90-х годах XX века отвечали: *«Потому что блины пекут овсяными к Новому году»*. Мы знаем, что овсяный кисель, овсяные блины — главные блюда поминальной обрядности, и что именно овсяный кисель ритуально предлагают Деду Морозу. Иногда на стол стелили сено, застилали настольницей и ужинали. А потом это сено скормливали скотине. Считалось, что в хлеву у скотины обязательно на Рождество должна быть постелена солома. На Рождество по ржаной соломе на полу катались дети. Часто в дом приносили снопы, за которыми прятался хозяин дома, а вошедших детей спрашивали, видят ли они его. Дети отвечали: «Нет». Тогда хозяин говорил: «Пусть и рожь будет такая высокая и густая, чтобы за ней не было видно человека».

На Святки русские гадали: слушали под окнами, лучину мочили в колодце, зажигали лучину, снег мололи, гадали в бане, на перекрестках дорог. Очень часто при гадании использовали различные украшения и предметы одежды, особенно пояса, обувь, головные уборы, полотенца, кольцо, гребни. Особенно характерны были для русских подблюдные песни, сопровождающие гадания.

В Вологодской губернии у молодежи на Святки были распространены такие игры, как: «Игра в кобылы», «Игра в быка», «Игра в гуся», «Игра в лошадь», «Игра в кузнеца», «Игра в покойника». Об этих играх С. В. Максимов писал в конце XIX века: «добрая половина игрищ, сама по себе, составляет остаток варварства, поражающий стороннего наблюдателя откровенным ци-

низмом. Этот цинизм еще ужасен и тем, что он почти всегда переходит в жестокость и издевательство над слабыми, то есть над деревенскими девушками, за которых некому вступиться. «Деревенские парни, — пишет наш корреспондент из Череповецкого уезда Новгородской губернии, — позволяют себе на беседах такие выходки, что только привычка здешних девиц к терпению и цинизму мужчин останавливает их от жалоб в суд». Жестокость этих святочных игр не предполагает их восстановления и подробного описания. (Интересующиеся могут обратиться к источнику: Максимов С. В., Нечистая, Неведомая и Крестная сила. — С-Пб. Полисет. — 1994 г. — с. 246—247). Во время Святков девушки исполняли традиционные народные «святковские» песни. Особенность их состояла в том, что они сопровождалась играми — различными хождениями девиц, то рядами, то кругами. Вторая их особенность в том, что они исполняются только в рождественские и новогодние вечера. Пение их, помимо Святков, считается в народе грехом. С. В. Максимов подчеркивает, что: «песни эти, составляя запретный плод в течение целого года, являются любимыми святочными развлечениями деревенской молодежи. На беседах они начинают входить в употребление уже с *зимнего Николы*, но пение их в это время еще не сопровождается играми, и только с наступлением рождественских вечеров игры вступают в свои права». (Описание этих игр также. С. В. Максимов. Наз. Раб. с. 258—261).

Обрядовой едой Святков была кутья, под Рождество постная, под Новый год богатая, «щедрая». На Новый год старались приготовить всего побольше, чтобы весь год жить в довольстве. Особенно интересно, что на новогоднем столе обязательно должен был находиться *жареный поросенок*. Именно перед Новым годом в «Васильев день» было принято колоть поросят. Вспомним, что св. Василий, как и св. Власий, заменил собой древнего бога — Творца Велеса, аналога Деда Мороза. И еще аналога ведического Творца, который в образе *кабана* поднял землю из глубин космического океана и создал *три* класса предков: отца, деда и прадеда. Жаренный новогодний поросенок «считался как бы общим достоянием: все желающие односельцы могут приходить и есть его... Обычай требует, чтобы поросенок непременно был жареный и подавался на стол в целом виде (неразрезанный), хотя бы по величине он походил на большую свинью». Стоит отметить, что в Вологодской губернии крестьяне в день Нового года жертвовали в церковь туши свиней. С. В. Максимов писал: «Обычай этот соблюдается очень строго, и не пожертвовать в Новый год духовным лицам свинины считается непростительным грехом, так как жертва эта делается в благодарность за благополучие скота в прошедшем году и с целью умиловить Бога и предохранить скот от падежа — в наступающем году».

Д. К. Зеленин считал, что: «Ритуальные блюда рождественских праздников у восточных славян не вызывают никаких сомнений в том, что в прошлом это

были тризны, связанные с культом предков. Об этом свидетельствуют блины, кутья, овсяный кисель. У южнорусских блины подают колядовщикам и блины же ставят в хлев для домовых на Крещение. Кутья из вареной пшеницы или ячменя с медом и маком даже дала название сочельническому ужину украинцев и белорусов. Севернорусские тоже называют сочельник *кутейником*. Украинцы на всю ночь оставляют после ужина ложку в кутье, ожидая прихода умерших родственников. Белорусы приглашают на рождественскую кутью покойных дедов». Очень важным представляется сообщение о том, что: «украинцы и белорусы приглашают на кутью покойных дедов, причем стучат в стену, открывают окно и приговаривают: *«Мороз! Мороз! Иди кутью есть, а если не хочешь, то уже не ходи совсем!»* Аналогичный обряд зафиксирован в Псковской области. Старики рассказывают, что раньше в Крещенскую коляду варили пшеничную кашу *с медом*, вечером выходили с ней на крыльцо (либо ставили на окно) и звали *Мороза*. Кутью оставляли на всю ночь. По другой информации из той же Псковской области в канун Крещения хозяйки пекли *блины (овсяные)*, варили пшеничную кутью *с медом* и выходили на крыльцо *кричать Мороза*». Кутью оставляли на улице под окном.

В Вологодской губернии в Васильев вечер (под Новый год) семье устраивали «баскую ужну» — поминали родителей. Прежде чем сесть за стол хозяйка посылала ребят на улицу позвать Морозка:

«Морозко, Морозко,
Ты меня не морозь-ке,
Приходи, помяни родителей пирожком».

Д. К. Зеленин писал о том, что на Рождество в Южной России жгли костры из *соломы и навоза* с целью «согреть родителей» (то есть умерших родственников). Крестьяне были убеждены, что вместе с ними у костров греются их *невидимые* предки. «Севернорусские на Рождество пекут из теста так называемые *козульки*, то есть фигурки птиц и животных». Д. К. Зеленин считал, что такие козульки являлись «магическим изображением будущего приплода скота». У восточных славян также зафиксирован обряд в Сочельник перед ужином разбрасывать по дому *вареный горох*, «чтобы овцы плодились». Целый ряд магических действий на Рождество должен был обеспечить изобилие *пчел и меда*, которые, как мы знаем, также были связаны с Велесом, а значит и с Дедом Морозом. Еще раз подчеркнем, что день, накануне Нового года, «явно связан с Велесом». Б. А. Успенский пишет: «Заслуживает внимания, что *Мороз* называется *«Мороз Васильевич»* и как мифологический персонаж обнаруживает связь с *Велесом*». Но именно на день св. Василия Кесарийского резали поросят, которых жарили к новогоднему столу, принося благодарность Богу за сохранность скота.

Последним обрядовым днем Новогоднего цикла было Крещение, в котором водосвятие крестьяне считали особо важным торжеством. В этот день все, даже дети, старались не есть «до звезды». После водосвятия в церкви крестьяне, взяв из-за иконы священную вербу, кропят ею весь дом, пристройки, все имущество, в уверенности, что это защищает от дурного глаза и прочих бед. То же священное значение придавалось в этот день речной воде, причем, категорически запрещалось полоскать белье в освященной реке в течение недели после Крещения. С. В. Максимов отмечал, что: «Находятся удалцы, которые даже купаются в проруби, памятуя, что в освященной воде человек не может простудиться (как выше было сказано, *всего больше купаются те, кто на святках рядился и надевал «хари»*). В Крещение крестьяне «освящали» свой скот. Причем хозяин, как правило, одевал шубу, *вывернутую наизнанку*, и *соломенным* кропилом в полнейшем молчании кропил каждую голову скота. Скот в этом обряде кормили хлебом и ржаными лепешками, оставшимися от Рождества.

В Крещение девушки гадали, причем формы гаданий зачастую были предельно архаичными. (Так, в сочельник, после захода солнца, девушки *нагие* выходят на улицу, полют снег, кидают его через плечо и слушают. В какой стороне прослышится что-нибудь, туда и замуж выдадут). И, наконец, на Крещение проходили так называемые «дивьи» (девичьи) смотрины. Этот архаический обряд выбора невест был характерен для Вологодской губернии. Он представлял собой следующее: «все невесты, наряженные в лучшие платья и разрямяненные, выстраиваются в длинный ряд около «ердани» (проруби на реке)... Между невестами (называемыми «славушницами») прохаживаются парни, сопровождаемые своими родительницами, и выбирают себе суженую... Если руки холодные, то такая невеста... считается зябкой и потому не подходящей для суровой крестьянской жизни. (Славушницы выходят на смотрины обязательно с голыми руками, без рукавиц)».

Можно предположить, что это пережиток архаических верований в то, что на Святки душа умершего может вселиться в тело живого человека. В народных представлениях именно *холодные руки* свидетельствовали о том, что в данном живом теле находится такая душа, так как ее согрывает нездешний «холодный» огонь.

Обряды Нового года в том виде, который сегодня считается традиционным, фактически сложились относительно недавно. Восстановленные в середине 30-х годов XX века в СССР, они привнесли многое из традиций Западноевропейского ритуала встречи Нового года с его образом Святого Клоуса. Но, так как (как было отмечено ранее) образ Святого Клоуса (св. Николая) сформировался на основе того же архаического дохристианского мифологического персонажа — Владыки Неба и Повелителя всех вод (Одина-Водана-Варуны), что и вос-

точнославянский Дед Мороз, то эти обряды органично вписались в круг традиционных для русских представлений. Восстанавливая сегодня исконные северорусские обряды, связанные со святочным периодом, в который органично входит и празднование Нового года, мы должны отдавать себе отчет в том, что это, прежде всего, обряды встречи предков и потомков, объединяющихся для решения одной задачи — создания условий для строительства будущего. Именно эта идея — основная на протяжении всего времени Святков, которые в древней традиции длились целый месяц, начинаясь с *Николина дня* (19 декабря) и заканчиваясь обрядами на реках (Крещение — 19 января). Вновь подчеркнем, что в северорусской народной традиции св. Николай заменил собой древнего бога Творца Велеса (Владыку), аналога бога Вселенной Рода и общеиндоевропейского бога Неба — Варуны.

Таким образом, поводя итогу, можно определить в программе «Великий Устюг — Родина Деда Мороза» следующие основные концептуальные положения:

1. Образ северорусского Деда Мороза имеет глубочайшие исторические корни, уходящие в общеиндоевропейскую древность (рубеж IV—III тыс. до н.э.).

2. Прообразом северорусского Деда Мороза является древний восточнославянский бог Творец Вселенной Велес — Род, носящий также имя Троян, что значит трехликий.

3. В христианский период в народных представлениях бога Вселенной Велеса — Рода заменил св. Николай (Никола). Аналогичный процесс был характерен и для Западной Европы, где древнего бога Неба заменил Санта Клаус (св. Николай).

4. Древнейшим прообразом северорусского Деда Мороза является общеиндоевропейский бог Неба и космического закона Варуна, олицетворением которого было ночное звездное небо.

5. Образ Варуны, как Владыки Неба, Ночи, Вод во всех проявлениях, мог сложиться в общеиндоевропейской мифологии (не позднее рубежа IV—III тыс. до н.э.) только на древнейшей прародине индоевропейцев в Восточной Европе на широтах не южнее 55°-56° с.ш.

6. Общеиндоевропейскому богу неба Варуне в древнеиранской мифологии, также сложившейся в своей древнейшей части (Авеста) в северных широтах Восточной Европы, соответствует бог Творец Ахура Мазда (буквально «Господь Премудрый») — еще один прообраз северорусского Деда Мороза.

7. Из текстов древнеиранской Авесты («Ардвисур-Яшт») явствует, что поклонение Ахура Мазде совершалось у начала священной двойной реки арьев Ардвисуры Анахиты (буквально «Вода двойная могучая непорочная»). Этой

же двойной реке, устремляющейся к океану и названной «самой материнской», посвящен один из древнейших гимнов Ригведы (РВ. III, 33 <Вишвамित्रа и реки>).

8. В настоящее время С. В. Жарниковой доказано, что священная двойная река индоевропейской древности Ардвисура Анахита это Северная Двина, рожденная слиянием двух рек — Сухоны и Юга, и начинающаяся у Великого Устюга. Именно здесь, у слияния двух рек, древние индоевропейцы поклонялись богу неба и космического закона, Владыке Вод Варуне (Ахура Мазде), прообразу северорусского Деда Мороза.

9. Сопровождающая Деда Мороза Снегурочка — мифологизированный образ застывших вод Северной Двины.

10. Исходя из вышеизложенного, именно Великий Устюг, а никакой другой город, имеет право именоваться «Родиной Деда Мороза». Это тем более обоснованно, так как символом Великого Устюга является **Водолей**, то есть **Владыка Вод**. Напомним, что **Водолей** также знак России в целом.

11. Исходя из данных концептуальных положений, а также в связи с тем, что в древнейших индоевропейских мифологических структурах зафиксированы не бинарные, а тринарные оппозиции (трехчастный год, три ипостаси божества, три изначальные субстанции — покой, движение, инерция и т. д.), в рамках программы «Великий Устюг — Родина Деда Мороза» вычленяется программа «Троян».

Программа «Троян» предполагает организацию массовых театрализованных зрелищных мероприятий в течение всего годового цикла. Программа строится, исходя из трехчастного индоевропейского года, состоящего из трех четырехмесячных сезонов: Весна — март-июнь; Лето — июль-октябрь; Зима — ноябрь-февраль. В каждом из этих трех сезонов Дед Мороз выступает в различных образах, также имеющих глубоко архаические истоки:

1. Весна — ребенок Троян, юноша Троян.
2. Лето — мужчина Купало, Лад.
3. Зима — старик Дед Мороз.

В каждом из этих образов он выполняет определенные задачи, как на уровне космоса, так и на земном уровне:

1. Весна — созидание.
2. Лето — сохранение.
3. Зима — разрушение старого и подготовка к созиданию нового годового цикла.

I. В рамках праздников весеннего цикла возможно проведение следующих театрализованных массовых зрелищных мероприятий:

1. Масленица — праздник встречи весны, закличания плодородия нового земледельческого года, чествование молодоженов.

2. 1 Мая — праздник майского дерева, чествование юношей.

3. Троица — поминовение предков, девичий и женский праздник.

II. В рамках праздников летнего цикла возможно проведение следующих театрализованных массовых зрелищных мероприятий:

1. Купала — праздник начала лета. Расцвета природы, влюбленных.

2. Три Спаса — праздник плодов земли, чествование детей, начинающих обучение в школе (первоклассников).

III. В рамках праздников зимнего цикла возможно проведение следующих театрализованных массовых зрелищных мероприятий:

1. Начиная с 19–20 декабря святочные увеселения (хождение ряженных, посещение Деда Мороза в его резиденции, цирк зверей, святочная мистерия и т. д.)

2. Новогодний праздник (Новогодняя мистерия).

IV. Для реализации программы «Троян» (то есть включения Деда Мороза в праздничные мероприятия всех сезонов года) наиболее действенной, массовой, зрелищной и яркой формой является форма спектакля — мистерии, в котором в той или иной мере участвуют все присутствующие на празднике. Такая форма в настоящее время уже создана, опробована и успешно развивается коллективом «Русский балет — XXI век». Поставлена мистерия «Здравствуй, Масленица!» («Троян»), готовится к постановке мистерия «Избранница» («Купальские огни»), в работе находится сценарий мистерии святочно-новогоднего цикла. Представляется необходимым поддержать это начинание на уровне руководства администрации области как финансово, так и юридически, и закрепить за данным коллективом право на дальнейшую разработку и реализацию в рамках программы «Великий Устюг — Родина Деда Мороза» всего годового мистерияльного цикла.

Мистерии весенне-летнего периода могут исполняться на площадках Великого Устюга, на базе Музея деревянного зодчества (г. Вологда). Мистерии зимнего цикла могут исполняться на базе «Резиденции Деда Мороза», г. Великий Устюг на городских площадках, на площадках Музея деревянного зодчества, на базе областного культурного центра «Русский Дом».

V. Для работы на базе Музея деревянного зодчества необходимо проектирование и создание мобильных сценических площадок. Необходимо также использование компактных мобильных биотуалетов, так как отсутствие таковых на территории музея, при значительном скоплении народа, может создавать у людей ощущение дискомфорта.

VI. В «Резиденции Деда Мороза» представляется желательным использование новых строительных материалов, имитирующих стекло, и более смелое применение как клееных деревянных конструкций, так и цветного витражного стекла. Необходимо придумать систему полихромной подсветки дворца Деда Мороза в ночное время на период различных праздничных мероприятий.

VII. На летний период имеет смысл разработать новые рецептуры мороженого с добавкой северных ягод, таких, как брусника, клюква, черника, морошка, малина, голубика. Необходимо возродить производство различных напитков на основе меда, сбитня, различных типов кваса.

VIII. В системе «Почта Деда Мороза» рационально иметь новые виды марок, причем ориентированных на все три сезона года: зимняя — Дед Мороз, Снегурочка, дворец Деда Мороза, снежинка с логотипом Деда Мороза и т.д.; весенняя — Троян, сцены Масленицы; летняя — Купало, цветок «Иван-да-Марья», купальские игры и т.д. Не стоит забывать, что новые серии марок и специальное гашение могут дать области значительный доход.

IX. Видеопродукция и издательская деятельность.

Одним из возможных вариантов видеопродукции может быть тиражирование Новогоднего поздравления Деда Мороза из его резиденции. Это, во-первых, выполнит функции рекламы программы, а во-вторых, даст возможность познакомиться с великоустюгским Дедом Морозом детям, родители которых не имеют возможности отправить их непосредственно на родину Деда Мороза.

В рамках программы «Великий Устюг — Родина Деда Мороза» необходимо не только наладить издание буклетов, календарей, детских книжек, посвященных Деду Морозу, но и начать серьезную просветительскую работу по пропаганде древнейшей истории Русского Севера, исторических корней народной культуры, северорусских фольклорных традиций. Такие публикации, как правило, являются достаточно серьезным основанием для возникновения значительных туристических потоков.

Х. В рамках программы «Великий Устюг — Родина Деда Мороза» возможна разработка новых туристических маршрутов. Помимо турпоездов, ориентированных непосредственно на мероприятия сезонных праздничных циклов, связанных с образом Деда Мороза, необходимо вводить тематические маршруты, связанные с древнейшей историей Русского Севера. Здесь можно использовать данные древнегреческой мифологии, помещавшей на Севере Европы *землю Титанов, священные Гиперборейские или Рипейские горы, священную яблоню Геи (Земли) и источник вечной молодости*. Кроме того, имеет смысл обратиться к данным Ригведы и Авесты, использовать имеющиеся на сегодняшний день расшифровки географических названий Вологодской области, сделанные на основе языка древнеарийской культуры санскрита. Все это дает возможность предлагать туристам такие маршруты (как водные, так и наземные) как: *«По путям Гипербореев», «Дорогами тысячелетий», «Дорогами мифов», «Дорогами предков»* и т.д.

XI. Здесь также можно использовать под новым углом зрения такие три, бесспорно интересные для туристов, аспекта. Первый — традиционная архитектура Русского Севера, как деревянная (культовая и гражданская), так и каменная. Второй — северорусская средневековая иконопись и прикладное искусство. Третий — традиционная народная культура. Наиболее перспективным представляется третий аспект, так как с первыми двумя общее знакомство уже состоялось.

Что касается традиционной народной культуры, то здесь имеются значительные возможности для привлечения и иностранных туристов в связи с целым рядом моментов. Дело в том, что традиционно в науке в течение многих десятилетий бытовало представление о том, что север Восточной Европы — это край, заселение и освоение которого людьми произошло довольно поздно, не ранее нового каменного века (VI—IV тыс. до н. э.). Причем предполагалось, что это заселение шло из-за Урала, где имелось избыточное финно-угорское население, жившее в условиях охотничье-собирацкого хозяйственно-культурного типа. Считалось, что славяне появились на землях севера не ранее IX—X в.в., прийдя из Поднепровья и Новгородских земель.

В настоящее время археологами открыты славянские поселения IV—V в.в. н.э. на западе Вологодской области, что значительно удревляет возраст северорусского населения. Кроме того, выявлено более 150 стоянок эпохи мезолита (X—VII тыс. до н.э.) и найдена на востоке Вологодской области стоянка палеолита (XXIII—XXV тыс. до н.э.). С. В. Ошибкиной установлено, что люди, обитавшие в бассейне реки Сухоны в X—VII тыс. до н.э. не имели антропологических черт, присущих финно-уграм, что продвижения из-за Урала финно-угор-

ских групп в это время не было, и что мезолитическое население бассейна реки Сухоны и Онежского озера было представлено классическими европеоидами. О наличии европеоидного населения и в более поздние исторические эпохи (неолит, эпоха бронзы) также свидетельствуют данные современной археологии. Исключительный интерес представляют выводы, сделанные выдающимся индийским исследователем Б. Г. Тилаком, опубликовавшим в Бомбее в 1903 году свою книгу «Арктическая родина в Ведах» (до сих пор, увы, не переведенную на русский язык), и русским ученым Е. Елачичем, выпустившем в 1910 году работу «Крайний Север как прародина человечества». В 20–30-е годы идеи Тилака и Елачича развивал академик А. И. Соболевский, считавший, что на севере европейской части нашей страны имеется огромное количество гидронимов и топонимов (названий рек, озер и населенных мест), созданных на основе какого-то архаического индоевропейского языка, условно названного им «скифским». Таким образом, в настоящее время все более убедительным становится вывод о том, что с древнейших времен на севере Восточной Европы жили индоевропейские племена. Судя по «Веде», здесь находилась прародина предков будущих северо-индийского и иранского народов. Так как индоевропеизация Западной Европы произошла не ранее рубежа IV–III тыс. до н. э., то земли Восточной Европы, которую многие современные исследователи считают прародиной индоевропейцев, являются материнскими и для большинства современных европейских народов.

В запасниках наших музеев хранится колоссальное количество памятников традиционной народной культуры — вышивка, ткачество, глиняные игрушки, резьба и роспись по дереву, сюжеты которых восходят к древнейшим индоевропейским прототипам и зачастую, как считает Н. Н. Велецкая, «архаичнее не только древнегреческих, но и зафиксированных в Веде».

Исходя из этого, мы можем:

а) построить в музеях экспозиции, позволяющие задействовать в них лежащие без движения в фондах памятники народной архаической культуры;

б) составить туристические маршруты по историческим городам Вологодской области (Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск, Тотьма, Великий Устюг), в которых будет превалировать показ памятников архаической народной культуры;

в) издавать календари, рекламные проспекты с использованием памятников традиционной народной культуры;

г) снимать видеоролики о традиционных праздниках, обрядах, ремеслах (кружево, ткачество, вышивка, резьба по дереву, ювелирное искусство), народной архитектуре, народном костюме и т. д.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА КАК ПРАРОДИНА ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

ТЕЗИСЫ КОНЦЕПЦИИ

Проблема локализации прародины индоевропейских народов стоит перед наукой более 200 лет. Предполагавшиеся в разное время в качестве прародины: Индия, склоны Гималаев, Центральная Азия, азиатские степи, Месопотамия, Ближний или Средний Восток, Армянское нагорье, территории от Западной Франции до Урала, территория от Рейна до Дона, черноморско-каспийские степи, степи от Рейна до Гиндукуша, районы между Средиземноморьем и Алтаем, Западная Европа — в настоящее время по тем или иным причинам большинством исследователей отвергаются.

Еще в XIX веке Шпигелем была предложена гипотеза восточноевропейской (между 45° с.ш. и 69° с.ш.) прародины индоевропейцев. В середине нашего века мысль о восточноевропейской прародине высказал А. Шерер.

В настоящее время данные науки заставляют пересмотреть традиционную историческую парадигму, утверждающую, что Восточная Европа во время пика Валдайского (Осташковского) оледенения была практически вся покрыта ледником и заселение ее севера и центра в послеледниковье (12 тыс. лет назад) шло из-за Урала финно-угорскими племенами, а индоевропейцы (славяне) появились на севере только на рубеже I—II тыс. н.э.

Сегодня данные палеоклиматологии, археологии, палеоантропологии, лингвистики, этнографии свидетельствуют:

- Территория Восточной Европы в большей части не была занята ледником даже в пик Валдайского оледенения (20—18 тыс. лет назад). Именно здесь находилась самая большая в Европе зона смешанных и хвойных лесов, в отличие от покрытой арктической тундрой Западной Европы.

- Появившиеся еще в эпоху палеолита (70—50 тыс. лет назад) население Восточной Европы на данной территории прошло один за другим все этапы исторического развития.

- КХ—IX тыс. до н.э. здесь сложилась праиндоевропейская, а затем и индоевропейская языковая общность, которая распалась на диалектные зоны не ранее IV—III тыс. до н.э.

- Север Восточной Европы не был издревле заселен финно-уграми, а является местом формирования и прародиной индоиранской (арийской) ветви индоевропейцев.

ГОРОД У ИСТОКА СВЯЩЕННОЙ РЕКИ

Возможный вариант текста рекламного видеоролика о Великом Устюге

Среди бескрайних лесов и зеленых холмов на севере России, где из слияния двух рек Сухоны и Юга рождается могучая, полноводная Северная Двина, стоит древний город Великий Устюг. На его гербе, как символ всего этого края, изображен седобородый Водолей, сливающий воду из двух кувшинов в единый поток. Мы не знаем, когда впервые пришли в эти края люди. Быть может это были охотники на мамонтов, шерстистых носорогов и бизонов, бесчисленные стада которых паслись в здешних степях из дикой ржи, овса и ячменя более 20 тысяч лет назад. А может быть люди пришли сюда еще раньше, когда первые землепроходцы каменного века вышли на берега Белого и Баренцева морей. Ученые полагают, что это случилось более 70 тысячелетий назад. Но доподлинно известно, что уже за семь тысячелетий до нашей эры, когда благодатная дельта Нила была безлюдной топью, здесь, на севере Восточной Европы, шумели широколиственные леса из липы, дуба, вяза и бурлила жизнь. В то далекое время зимы были короче, лето длиннее и гораздо теплее, чем сейчас. Наши предки жили в благодатном краю. Они ставили по берегам свои рубленные из вековых сосен дома, пасли на лугах скот, охотились в девственных лесах и ловили рыбу в реках, имена которых дошли до наших дней из глубины тысячелетий.

Странные и непонятные сегодня, эти имена легко объяснимы при помощи санскрита — языка йоги и Вед: Сухона — легко преодолимая, Юга — прибавляющая, Вапра — пологая, Кушевара — окруженная осокой, Лала — переливающаяся, Рипинка — коварная, Стрига — разливающаяся и многие другие. А самая большая, самая могучая река Русского Севера — Двина в глубокой древности носила имя Ардвисура Анахита, что на языке Ариев значило «вода двойная, могучая, непорочная». Вместе с именами рек из глубин тысячелетий дошли до нас и эти орнаменты, изображения богинь и древа жизни, священных птиц и барсов, каждому из которых не менее 5 тысяч лет. А так же песни и пляски, обряды и ритуалы, мифы, легенды и предания. Одно из них гласит:

«На севере у моря с удобными заливами лежит страна Арья Вэйя, что значит «арийский простор». Ее называют так же «Прекрасноцветной» из-за удивительной красоты ее пламенеющих золотых закатов и рассветов, да еще из-за чудесного сияния, что вспыхивает над ней долгими зимними ночами. Здесь из слияния двух священных рек рождается великая чистая река жизни Ардвисура, обращаясь к которой древние мудрецы просили:

« Даруй мне такую удачу,
Добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы достиг я царственного сияния,
Которое среди моря сияет,
Сияние, которое причастно арийским
Странам, нынешним и грядущим! »

Над этой благословенной двойной рекой всегда высоко в небе сверкают семь звезд Большой Медведицы, откуда по легендам прилетели на Землю Севера прапредки Ариев. Здесь помещена Полярная Звезда — ось мироздания и кружат в бесконечном хороводе созвездия. От их движения зависит все на земле: судьбы людей, стран, континентов. И что, Добро или Зло, царит в мире и в душах людей. Две тысячи лет назад, как поведали предания, власть над Землей перешла к созвездию Рыб и Зло начало свою жестокую и долгую борьбу с Добром. В конце царства Рыб, утверждали древние мудрецы, наступят такие времена, когда всем будет казаться, что полная победа Зла неминуема. Но это только иллюзия — майя. Так в конце ночи, перед самым рассветом, всегда самые темные сумерки и кажется, что никогда не наступит утро. А оно приходит и гонит прочь тьму. Время Рыб пройдет и на смену ему придет эра Водолея, эра победы Добра над Злом. И центром этой битвы будет древняя родина арьев — Земля Водолея. Именно отсюда Добро и Правда распространятся по планете Земля». Таково предание.

Прошли тысячелетия. И только три года отделяют нас от начала эпохи Водолея — 2003 года. Она уже на пороге — эра России — земли Водолея. И с ее приближением все мощнее становится притяжение этого удивительного, таинственного и прекрасного города Водолея — Великого Устюга, стоящего у слияния двух рек Сухоны и Юга. Двух потоков, дающих начало великой реке арьев Ардвисуре Анахите — Двине, матери все очищающей воды жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

ОБРАЗА ДЕДА МОРОЗА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Историко-культурологическая справка	3
ПРОГРАММА «ТРОЯН»	
в рамках региональной программы «Великий Устюг — родина Деда Мороза»	29
МАСЛЕНИЦА	
Историко-культурологическая справка	30
ТРОИЦА (Семик и Троица)	
Историко-культурологическая справка	38
1 МАЯ	
Историко-культурологическая справка	42
КУПАЛА (Ярилин день)	
Историко-культурологическая справка	46
ТРИ СПАСА	
Историко-культурологическая справка	58
ЗИМНИЕ СВЯТКИ	
Историко-культурологическая справка	68
Приложение	81

Компьютерный набор — О. Масопуст
Оформление и верстка — В. Минин

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вологодского областного научно-методического центра культуры
и повышения квалификации
160035, Вологда, Советский пр., 48, телефон/факс: 75-15-07

Изд. лиц. ИД № 01750

Формат 60x84^{1/16} Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная»
Усл. печ. л. 4,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ТПФ «Граффити». Вологда, Октябрьская, 46-6
graffiti@inarnet.ru